

Шандор Тот

**Второе рождение
Жолта Керекеша**

1973

Тот Ш. Ш.

Второе рождение Жолта Керекеша / Ш. Ш. Тот — 1973

Роман Шомоди Тота – лауреата премии имени Агилы Йожефа – рассказывает о становлении характера современного «трудного» подростка. Роман дает ответ на многие вопросы, интересующие наших ребят.

Содержание

МАЛЬЧИК, СОБАКА И ВЕСЬ МИР	5
Глава I	8
Глава II	24
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Шандор Шомоди Тот

Второе рождение Жолта Керекеша

МАЛЬЧИК, СОБАКА И ВЕСЬ МИР

Ты держишь в руках книгу, которую не просто читать.

Есть книги, фильмы, спектакли легкие, как воздушные шарик. Перелистнув последнюю страницу, выйдя из кинозала или театра, ты тут же забываешь, о чем шла речь. Вопросы, которые задавались тебе вначале, были как бы с известными ответами. И ответы эти оказывались банальными, как в элементарной задаче: сколько будет дважды два...

Вот почему я предупреждаю тебя: если ты привык к легким задачам, если предпочитаешь книги, после которых не о чем думать, лучше сразу откажись от этого романа.

Венгерский писатель Шандор Шомоди Тот написал сложный роман о сложном человеке, которому четырнадцать лет и которого зовут Жолт Керекеш.

В четырнадцать-то лет? Сложный?

Впрочем, посмотри на себя: а ты простой человек?

Простых людей, мне кажется, не бывает. Все, даже самые обыкновенные люди сложны, и в этом нет ничего удивительного: человек, создающий сложнейшие конструкции, сложнейшие вычислительные машины, не может быть примитивным.

Принято считать, что все это можно сказать про мир взрослых, а с детьми дело будто бы обстоит гораздо проще. И в этом-то и таится ошибка.

Дети, а точнее сказать, их духовный мир, как я считаю, ничуть не проще, не элементарнее мира взрослых. Дети пока лишь не обогащены, а порой не отягощены багажом жизненного опыта.

Итак, ни у кого нет сомнения, что дети, став взрослыми, смогут сделать, создать, построить все то, что умеют взрослые, – это естественно, не правда ли? Нет сомнения и в том, что вчерашние дети будут и мыслить и жить, как взрослые. Знания и опыт – дело наживное. А вот чувства, как с ними быть?

Приобретаются ли с возрастом они?

Может ли, к примеру, человек, ненавидящий с детства щенков и котят, отрывающий у бабочек разноцветные крылья из одной лишь жестокости, достигнув определенного возраста, полюбить собак, кошек и все сущее?

Мне могут сказать: может. Но я не поверю. Я утверждаю: не может.

Человек, который любит красоту золотого вечернего заката в детстве, будет ценить эту радость жизни и в старости, даже с большей силой. Человек, который добр с детства, не может стать злым, когда вырастет. Тот, кто страдает чужой бедой, чужой болью, когда он мал, будет помогать в беде другим, став взрослым...

Обо всем этом думает писатель Шандор Шомоди Тот, рассказывая нам о своем герое.

Жолт Керекеш – обыкновенный современный мальчишка. Таких, как он, множество в мире – и в Венгрии, и у нас, и где хотите. Правда, у него есть одна особенность, но и эта особенность типична – он пребывает в том возрасте, когда его уже не назовешь ребенком, по еще и не назовешь взрослым.

Жолт Керекеш – подросток. И здесь я хочу оговориться о правах и сложностях этого удивительного, волшебного возраста. Это возраст открытий и *самоутверждения*.

Еще год назад мальчишка мог смотреть вполне равнодушно на знакомую девчонку с пушистым бантом в косе. Но через год он совершает потрясающее открытие. Он узнает, что у нее огромные голубые, как васильки, глаза. Что у нее бархатный голос. Что у нее, к примеру,

таинственно мягкая походка. Он смотрит на нее вовсе не так, как посмотрел бы год назад. Он будто видит ее новым зрением. Это зрение дает ему его возраст, его возмужавшее сердце, ждущее любви.

Возраст, в который вступают вчерашние дети, прежде чем стать взрослыми, удивителен, он полон сложностей и конфликтов.

Родители да и все вокруг еще смотрят на тебя как на ребенка, а ты уже «взрослый», хотя на самом деле еще не взрослый, не обольщайся... Но ты и не ребенок, это уже факт, и факт упрямый, как ты сам. И взрослым – я абсолютно с этим согласен – надо это понять.

Понять такую простую по виду истину, что человек может измениться всего лишь за месяц. Для мира взрослых месяц жизни – крохотный отрезок времени, а для такого, как ты, – иногда целая эпоха, не правда ли?

Взрослому порой кажется, что повышенным тоном, увещеваниями, наконец, оплеухой они могут чего-то достичь. Да, год назад они, возможно, и достигли бы, но теперь дело другое. «Я не ребенок!» – восклицаешь ты, и ты прав на сто процентов. «Я взрослый!» – утверждаешь ты, и вот тут, пожалуй, ты ошибаешься. Но это ошибка того же порядка, что и истина. Называя себя взрослым, ты как бы требуешь себе прав впрок...

Жолт Керекеш растет и меняется у нас на глазах. Он замечает девочку и влюбляется в нее. Он дружит со сверстником и сплошь и рядом содрогается от маленьких, пока мальчишеских измен. Жолт живет вроде бы обыкновенно, без всяких видимых трагедий, – по крайней мере, в первой части романа, – но постепенно мы выясняем, что в его начинающейся только жизни далеко не все благополучно. Он живет с отцом и мачехой. Но у него есть и мать. Не зря писатель, сильно и справедливо заострив ситуацию, называет и мать и мачеху одним именем – Магда. Магда-один и Магда-два. Это, конечно, разные характеры, одно им одинаково непосильно: Жолт. Жолт, который не понятен своим ближним. Жолт, который совершает нелогичные, с их точки зрения, поступки. Жолт, которого родители его приятеля прямо считают ненормальным, «с приветом».

А Жолт обычен.

Он только обыкновенен. Только лишь сложен.

Он уже не ребенок, вот в чем дело.

И этот Жолт порой отвратителен, на сторонний взгляд особенно. Он давит муху, наблюдая ее коматозное, то есть предсмертное, состояние. Он лихо вытаскивает шнурки из ботинок кассирши в магазине, вызывая восхищение группы чуждых ему, в общем-то, сверстников, и крадет какие-то безделушки. Он, наконец, напивается, пробуя на самом себе впервые в жизни, что такое алкоголь.

И все-таки Жолт, повторяю, обычен. Он просто перешагнул невидимую черту в своей жизни, он не ребенок, он сложен так же, как прост.

В его жизни возникает порог. Автор очень серьезен, рассказывая об этом. И тут автор, пожалуй, выступает как ученый-психолог, врач, социолог.

С возрастным порогом связан и недуг Жолта. Недуг состоит в том, что он начинает заикаться, стесняется этого, прячется от людей. Жолт на краю пропасти, катастрофы, и врач-отец – не зря отец его по профессии врач – бессилен ему помочь, потому что в данном случае и медицинские препараты бессильны. Лекарство тут иное: доверие, откровенность, понимание.

Доктор Амбруш, к которому приводят Жолта, внешне похож на традиционного волшебника, но он вовсе не волшебник, а психиатр. Он-то и помогает Жолту обрести уверенность в себе и снова стать естественной частицей мира, из которого он стал уже выпадать из-за неуверенности и неоткровенности, конфликтов с отцом, из-за создавшегося непонимания.

Вот, пожалуй, и найдено это слово.

Понимание.

Понимание есть ключ ко всему роману Шандора Шомоди Тота и к гораздо большему – целому возрасту, возрасту подростка.

А возраст, как известно, принадлежит и одному человеку и целому поколению. Вот почему столь важно все, о чем сказал в своем романе Шандор Шомоди Тот. Это важно не только подростку Жолту, но и его отцу, взрослому человеку, доктору Тамашу Керекешу. Как важна и нужна эта книга и юношеству и взрослым.

Книга откровенна. Привыкшего к гладкописи она вначале может и покоробить.

Книга Шандора Шомоди Тота правдива. Она необычна, остра неприукрашенной остротой истинной правды. Вот почему ее порой нелегко читать.

Нелегко, но необходимо.

Все, что заставляет думать, пусть думать мучительно, – прекрасно.

В книге три главных действующих лица.

Это подросток Жолт Керекеш, его собака, которая есть как бы яркое освещение внутренней доброты Жолта, и весь мир.

Прекрасный и грустный, счастливый и сложный, блистающий Мир Человека, в который вступаете вы – все новые и новые люди мира, каждый день и каждый час переступая ту невидимую черту, за которой вы – «уже не дети».

Альберт Лиханов

Глава I ПОДЖИГАТЕЛЬ

В квартире главврача Керекеша витали тени собак: легавой, боксера, овчарки, сеттера, фокстерьера, – одним словом, собак, о которых мечтали домашние. Самым частым и самым желанным гостем был датский дог, чья могучая стать затмевала собой остальных. Лишь Беате хотелось маленькую собачку, и ее вполне бы устроила такса. А из таксы – в этом можно не сомневаться – никогда большой собаки не вырастет. Жена доктора Керекеша, восхищавшаяся собакой-поводырем, мечтала о немецкой овчарке. Жолт – ему минуло недавно тринадцать, – хотя и недоумевал, зачем зрячей семье поводырь, тем не менее энергично поддерживал мачеху. Вообще-то ему хотелось иметь не собаку, а льва или, скажем, гепарда. Даже лучше гепарда. Он где-то читал, что в Англии существует обычай держать в доме прирученных хищников. Но на улице Арона Габора никогда, к сожалению, не встречали детей, которые бы прогуливали гепарда. И, мирясь с обстоятельствами, когда не могло быть и речи о каком-то несчастном доге, так как дог, дескать, слишком много ест, Жолт соглашался на немецкую овчарку. И с овчаркой ведь можно держать в страхе тех, кого хочется держать в страхе.

Эти ребяческие или же легкомысленные мечтания Жолта для доктора Керекеша вовсе не были тайной. Его тоже привлекала идея иметь в доме собаку. А ожидания, с нею связанные, были, кстати, не менее фантастическими, чем у прочих членов семьи. Правда, вслух своих мыслей он не высказывал. Но по редким, вскользь оброненным репликам можно было догадываться, что на собаку он возлагает определенные надежды. С годами, когда забот с сыном все прибавлялось и прибавлялось и неприятности из-за мальчика росли угрожающе, отец все чаще, почти каждый день, стал помышлять о собаке. Рассуждения его вовсе не были умозрительными, отвлеченными, необычными. Наоборот! Рассуждал он чисто житейски. О том, например, что собаку надо вовремя и ежедневно кормить, и в этом крылось уже будущее спасение. Собака не лазает по деревьям. Значит, и ее хозяин больше времени будет проводить на земле. Собаки, и в особенности щенки, совершенно не выносят пальбы, грохот выстрела приводит их в ужас. Следовательно... Чтоб собака не одичала, не отбилась от рук, ее надо дрессировать. Первое же условие дрессировки – система, строгий, железный режим. Стало быть, у того, кто будет такой режим соблюдать, не останется времени для бесполезных и бесцельных скитаний. В этом месте доктор Керекеш свои мечтания прерывал и, не желая преувеличивать, вносил в них существенную поправку: *меньше останется времени для бесполезных и бесцельных скитаний.*

Словом, мысли и чаяния доктора Керекеша, связанные с собакой, были столь просты и логичны, что обвинить его в беспочвенном фантазерстве, назвать прожектером было бы, конечно, несправедливо. Факт, однако ж, есть факт: несмотря на то что порода, окрас, голос собаки пока еще в воображении доктора Керекеша не прояснились, собака тем не менее с каждым днем становилась для пего все более умным, надежным, даже замечательным существом, которому предстояло внести в их жизнь известные перемены; разительные, может быть, перемены.

В общем, так: чем больше скандальных историй устраивал Жолт, тем чаще подумывал о собаке его отец. И хотя доктор Керекеш старался не слишком надеяться на собаку, в конце концов собака-мечта превратилась в некоего всесильного чародея.

И все же от этого чародея Керекеш сердито отмахивался. «Несбыточные мечты», – думал он в смущении и – в надежде.

Собственно, идея приобрести собаку принадлежала не ему, а Магде. Это Магда вынудила его прийти к такому решению. А может быть, и не Магда, а Жолт и его верный союзник – случай.

И вот Беата рассказала обо всем дяде Тибору.

– Собака?! Зачем? – Взволнованный сообщением, старик даже вскрикнул.

Девочка вздрогнула: голос дяди был мрачен, как туча, и, естественно, предвещал грозу. Целый ливень упреков. Так что лучше дядю не раздражать и помалкивать. Опасаясь, что он угадает ее мысли, и про себя осторожно отметив, что вопрос его не очень разумен, Беата склонилась над книгой с картинками, но время от времени с тревогой поглядывала на дядино высохшее лицо.

– Чтобы лаять? – с прежним волнением продолжал дядя Тибор.

Ну конечно, собака будет лаять, Беата в этом ни секунды не сомневалась, в ее ушах даже зазвенел залиvistый, частый лай. Мечтательно улыбаясь, она молчала.

– Ведь в доме не будет ни минуты покоя! – жалобно стenal дядя Тибор.

Зажав в костлявых руках очки и газету и шаркая негнушимися ногами, он взад и вперед сновал по кухне.

– Что я хотел? – спросил он беспомощно.

– Палинку, – сказал Беата.

– Верно, палинку! Ты очень внимательна, моя бесценная девочка.

Дядя Тибор плеснул в рюмку палинки, сделал глоток, прополоскал горло и, подкрепившись, дал волю потоку ужасающих предсказаний.

– Собака коварна! – решительно сказал он. – К твоему отцу придут пациенты, собака их искушает, и нам придется платить за увечье!

Беата молчала. Она бесшумно закрыла книгу и явно без надобности начала расплетать и заплетать косу. «Собака будет ласковой, кроткой, но *он* этого ведь не знает», – размышляла она. Дядя тем временем к чему-то чутко прислушивался, а когда заговорил, Беата в испуге открыла рот.

– Все собаки вначале кротки. Но кротости их бывает предел. Кто ее будет воспитывать? Отец занят больными, мать... Быть может, твой брат, этот разбойник и плут?

– Мы купим спокойную, незлую собаку, – виновато сказала девочка, уставившись с робкой почтительностью на дядю, который каким-то непостижимым образом подслушал не высказанную ею мысль.

Из его плоских ушных раковин, как антенны, торчали длинные волоски; может, и правда их закрученные концы улавливали беззвучные тайны мира.

Дядя Тибор вдруг снова ожесточился.

– Купим? – спросил он. – Как это – купим?

Девочка упрямо молчала. Ее нежно-белое, как лепесток ромашки, лицо внезапно порозовело, большие синие глаза заблестели.

– Вы хотите купить собаку за деньги? – безжалостно допытывался дядя.

– Купить можно только за деньги, – с удивлением сказала Беата.

– Модную и, разумеется, страшно дорогую собаку? С завитой головой? Да? Вот что я скажу тебе, девочка: мы станем всеобщим посмешищем.

Непонятное сопротивление дяди постепенно развеяло радостное настроение Беаты.

– Папа обещал, и Магда хочет...

– А я скажу моему младшему брату, что, покуда я жив... собаки в доме не будет!

Беата пристально смотрела на пергаментно-лысую голову дяди, потом перевела взгляд на его старческую шею. Тут она вспомнила, что о плохом думать нельзя, но уже было поздно.

– Ты ведь думаешь, что все равно я скоро умру. Да?

Для девочки это было слишком, ее хорошенькое личико сморщилось, губы плаксиво опустились.

– О чем ты? – спросил раздраженно дядя. – У-у, какая ты некрасивая, когда плачешь! Тебе тоже хочется собаку?

Слезы Беаты моментально высохли.

– Хочется.

– А почему не кошку? Девочке больше подходит кошка.

– А я хочу собаку.

– Таково решение твоего отца? – Дядя Тибор обожал звучные слова: «информация», «решение» и все такое.

– Да.

– Почему именно собаку? Вот я чего не в силах понять, – бормотал дядя Тибор. – Ох, люди! Сами не ведают, что творят!

Он усадил девочку себе на колени и снова пустился в пространные наставления, как надо воспитывать собак. Собаку нельзя ласкать, потому что собака бациллоноситель. В квартире собаку держать нельзя, потому что от нее повсюду грязь. И вообще, зачем в доме собака! Вот другие же обходятся без собак. Конечно, собака полезна. Но где? На пастбище. От одной даже маленькой овчарки куда больше пользы, чем от сотни подпасков.

Беата слушала с легким разочарованием: ничего нового дядя ей не сказал.

*

Итак, новость о покупке собаки дядю Тибора лишила покоя. Взмолнованный, он бродил по саду, останавливался, топтался на месте, срывал одуванчики и рассуждал сам с собой:

«Подожду, пока семья будет в сборе, и тогда сообщу им свое мнение. Я спрошу брата, и пусть он ответит на мой вопрос: взвесил ли он, обдумал ли это решение или принял его наобум? Подумал ли он о гигиене? Сперва они заставили меня присматривать за детьми, что меня, в общем, обременяло. Теперь же приставят к собаке. А с какой стати? У меня гипертония и малокровие. Мне следует больше спать. Спать – пожалуйста. Я сплю! Но ухаживать за собакой – увольте! Это не мое амплуа. Весьма любопытно, почему именно мне, с моей высокой квалификацией, предложили уйти на пенсию? Я же не инвалид войны. Собственно говоря, просто вынудили».

Такую полемику вел Тибор с воображаемым собеседником, когда бессильно волок по траве шезлонг, стараясь его поставить так, чтоб голова его, Тибора, укрывалась в тени.

Что касается ухода на пенсию, то он был, в сущности, прав. Не всякого, кто в рабочее время спит, принято отправлять на пенсию. Его начальнику такое бы и в голову не пришло, но не кто иной, как доктор Керекеш, принял меры к тому, чтоб старика, довольно хилого от рождения, а после смерти жены ставшего особенно забывчивым и рассеянным – на работе он даже засыпал на ходу, и, по глубокому убеждению Керекеша, в аптечном складе его держали только из жалости, – в конце концов проводили на пенсию. Какое-то время Тибор противился, но от споров быстро устал, ибо доводы младшего брата, Тамаша, всегда были вески, разумны и основательны. А старика уже от первых фраз безудержно клонило ко сну. В обволакивающем его дремотном тумане очкастое усталое лицо брата навевало обещание спокойных и долгих снов. Шезлонг в саду, прохладное дыхание легкого западного ветерка, серебристые и темно-зеленые ели, розы, кактусы среди камней, кусты смородины, голубизна небес и белым мотыльком порхающая в траве Беата – вот что окружало его, лишь только он открывал глаза. Но порой эти сказочные видения пререзал лихой разбойничий свист, и Тибору начинали чудиться рас-

каленные ехидным вниманием черные миндалевидные глаза племянника... «Ох и достанется мне забот со щенком!» – мелькнула в мозгу его мысль, рожденная внезапным и острым раздражением. Но в ту же секунду ему сделалось совестно, потому что и в сонном забытии его не покидало чувство благодарности к брату, который, конечно, только из любви не поместил его в дом для престарелых и пригласил жить к себе.

Тибор получил комнату с окном на юго-запад. Ему вменили в обязанность присматривать за детьми. Вооружившись терпением, он старался как мог, то есть время от времени собирал информацию у соседей, когда и куда исчез Жолт, так как племянник его был неисправимым бродягой.

Осуждать старика за слишком суровый и даже грубоватый отзыв о племяннике было бы, пожалуй, несправедливо. Люди более снисходительные и более терпеливые, чем Тибор, то есть учителя, соседи и ближайшие родственники, о поведении Жолта Керекеша также отзывались довольно резко. А старика, в конечном счете, огорчало не столько поручение «пасти детей», сколько необузданная натура Жолта, его грубоватая речь и, главное, его порой странные шутки, которые вряд ли можно было назвать утонченными или хотя бы приятными.

Была, однако, причина, вынуждавшая старика становиться иногда сообщником Жолта. Беата, конечно, очень милая девочка, в этом не было никаких сомнений. Она подавала ему одежду, чистые полотенца, готовила чай и приносила даже палинку. Беата ангел! Но у нее такие маленькие, такие неподходящие для массажа ручки. Зато у бродяги племянника руки были что надо, как будто их специально создали для массажа! Даже покойная жена Тибора, Тэрка, не шла с ним ни в какое сравнение. Жолту без колебаний можно было вручить диплом массажиста. Ни одному профессионалу не удалось бы взбодрить его мышцы так, как умел это делать Жолт. Таково было глубокое убеждение Тибора. Руки Жолта часто бывали немыты, пахли смазкой, ржавчиной, илом, но зато они были как сталь, и захват у них был железный. Без массажа Тибор сразу дряхлел, и все его тело прямо зывало к благотворному лечению Жолта.

Вот почему дядя Тибор вел против Жолта несколько ограниченную войну. Причем он был всерьез убежден, что если мальчик и получает какое-то воспитание, то получает именно от него. Ибо безнадежные споры с племянником и словесные баталии, которые он неизменно проигрывал, Тибор и считал воспитанием.

Он не просто с презрением, а даже с некоторым злорадством взирал на явные промахи укоренившейся в семье Керекешей ультрасовременной системы воспитания и не без основания полагал, что для успеха на этом поприще нужна твердая рука. И что только такая рука решительным образом изменила бы характер Жолта. Но, к сожалению, младший брат Тамаш, по мнению Тибора, не достиг еще тех высот проницательности и мудрости, чтоб признать и применить на практике этот простейший воспитательный метод – метод «твердой руки». К тому же старик искренне верил, что многократные напоминания о приличиях могут привить хорошие манеры. Главное – об этом без конца повторять, и тогда успех обеспечен.

«Небрежное» современное воспитание допускает, чтобы дети родителей называли по имени. Тибор решительно осуждал золовку, безропотно терпевшую, что Жолт запросто называл ее *Магда-два*, проводя таким образом грань между приемной матерью и родной, которую по случайному совпадению звали тоже Магдой.

Он просто не понимал безразличия Магды. Такое обращение ее нисколько не задевало. Она считала его совершенно нормальным, а то, что родную мать Жолт ставил на первое место, – закономерным.

Старик с горечью отмечал, что упрямство и наглость Жолта всегда брали верх, и никто его за Магду-два не одергивал.

Но в этой борьбе он не сдастся, твердо решил дядя Тибор. Вот и позавчера – или когда? – мальчик под вечер явился домой.

– Магда-два дома? – спросил он.

– Это что еще за новости? – с живостью откликнулся Тибор. Он недавно проснулся и чувствовал себя в прекрасной форме. – Не Магда-два, а мамочка! – внес он решительную поправку.

– Ладно, Тобичек. Мамочка-два вернулась?

– Она давно дома. Ах ты хулиган!

– Ты не видел еще хулиганов, Тобичек. Ты же понятия не имеешь о жизни!

– Ты хуже, чем хулиган!

– Не будем спорить. Ты ведь старший.

Это был тот самый случай, когда теряются даже люди, куда более сообразительные, чем Тибор. Старик смешался и что-то пробормотал, не зная, похвала это или чистое издевательство.

Нравоучительные беседы, подобные этой, происходили между дядей и племянником ежедневно. Причем оба старательно следили за тем, чтоб их перепалка не коснулась слуха Керекеша, в противном случае Жолт получал штрафные задания.

Тибор жаловался на Жолта лишь в крайних случаях. Кто же станет доносить на своего массажиста, работой которого страшно доволен! Вот и сегодня старик очень нуждался в услугах племянника. Побаливала поясница, и немел левый бок. «Когда же появится этот бродяга? – думал старик. – И какой день сегодня: понедельник, вторник?» Если вчера было все-таки воскресенье, то сегодня, естественно, понедельник. Тут порядок армейский. Но если память ему вдруг изменила и воскресенье было позавчера?

Солнце вновь обошло шезлонг, и на него упали тени. Старик подвинул его чуть дальше. Беспокойство не проходило. Тогда, стянув потуже пояс халата, Тибор проворно вышел на улицу. Прошаркал по тротуару двадцать метров вперед и двадцать назад, основательно проверил ограду, осмотрел каштан – никого.

– Жолти! Жолтика! – негромко, без уверенности приговаривал он. В нем теплилась слабая искорка надежды: вдруг на дороге появится Жолт. Хотя он знал, что ждет напрасно.

Старик повернул назад и увидел на балконе золовку. Магда тоже была в халате: значит, она дома давно.

Тибор побрел к балкону. Магда сидела за плетеным столом, отрезала ломтики ветчины, читала и ела. Она всегда одновременно делала несколько дел. «А для чего?» – с неудовольствием подумал старик.

– Привет, милая! О чем я хотел тебя спросить? – вслух сказал он.

– Чао, Тибор. Понятия не имею, о чем ты хотел меня спросить.

– Да вот, милая, Жолт бесследно исчез.

– Объявится, – спокойно сказала Магда.

– Конечно, – согласился Тибор, сознавая, что Магда безусловно права. Она ведь и раньше не ошибалась: Жолт объявлялся всегда.

Старик почти успокоился и поплелся к шезлонгу. Бросив взгляд на могучий каштан, он внезапно вспомнил, что ему говорила Беата: под каштаном поставят покрашенную в зеленый цвет собачью будку.

Тибор тяжело опустился в шезлонг.

– Чудно! Прелестно! Просто нет слов. Собака будет твякать мне в самые уши, будить! – забормотал он, но огорчиться по-настоящему не успел: голова его запрокинулась и он заснул.

Итак, новость, что решено приобрести собаку, до дяди Тибора дошла, но со значительным опозданием. Ибо тот, кто спит, новостей не знает. Решение же купить собаку родилось примерно в полдень, после пожара, о котором старик даже не подозревал, так как был в то время у себя в комнате и, как обычно, видел сладкие сны. Заметив под окном клубы черного дыма, он, правда, буркнул: «Какие страшные тучи» – и сразу вновь погрузился в сон. Позднее

он услышал телефонный звонок, отдаленные крики, какую-то возню, проснулся и констатировал, что в доме вечно шумят.

А в подвале, когда пенсионер-почтальон увидел густой, плотный дым, вырывавшийся через вентиляционное окно, весело трещал огонь. Почтальон позвонил жильцам, потом взял шланг для поливки двора, втащил в подвал и тщательно залил очаг пожара. И весьма своевременно, потому что в отсеке, принадлежавшем художнику, горели санки, метла и пламя лизало уже поленницу.

Покрытый копотью, возбужденный, экс-почтальон объяснял во дворе происшедшее. С быстротой поистине феноменальной жильцы всех шести квартир оказались на месте события. Вскоре прибыла и милиция. А спустя еще несколько минут на такси примчался доктор Керекеш. Более бледный и измученный, чем обычно, он бросился сразу в подвал.

– Что случилось? – спросил он художника, который стоял позади всех и нервно пощипывал рыжеватую бороду.

– Вы же видите, что случилось. Как раз мой подвал. Кому-то понадобилось поджечь наш дом.

– И кто-то его поджег, – ревниво сказал экс-почтальон.

– Но кто... кто? – запинаясь от волнения, спрашивал Керекеш.

– Все-о узнается, господин главный врач. Все-о при допросе выяснится, – сказал экс-почтальон, и в его мрачном, хриплом голосе Керекеш уловил затаенную угрозу.

– Вы полагаете? – спросил он.

– Я знаю, – отрезал экс-почтальон.

Оба умолкли под неодобрительным взглядом старшего сержанта милиции. Острый луч милицейского фонарика прошелся по дымящейся закопченной поленнице, по обгоревшим санкам, потом выхватил из подвального сумрака обуглившуюся, совсем черную чурку и на ней расплавленную металлическую тарелку.

– Ага! – обронил старший сержант и многозначительно оглянулся.

Младший сержант, шаривший по полу, тоже нашел кое-что и, подняв пинцетом находку, подошел к старшему. В пинцете был грязный от копоти носовой платок.

– На полу валялся, – таинственным шепотом сообщил младший сержант.

Мельком взглянув на платок, Керекеш вздрогнул. Скомканный, грязный, он, однако, был страшно знаком.

– Свечные огарки, – сказал старший сержант.

– И промасленная тряпица, – словно продолжая стихотворную строфу, подхватил младший.

– Вы чувствуете запах пороха в дыме?

– И как еще, товарищ старший сержант!

– Ребячья работа.

– Вот именно. Ребячья.

– Давайте, товарищ младший сержант, собаку!

Из подвала Керекеш не выходил, а пятился задом. И, спотыкаясь, поднимался в свою квартиру. На лестнице он остановился и посмотрел в сад. Все – трава, сирень, одуванчики, ели – изменило цвет, стало серым, как камень.

– Это не может быть явью, это сон, – бормотал он почти в отчаянии. – Сейчас я проснусь.

Но он не просыпался, в ушах его, перекатываясь, гремел грозный, низкий голос сержанта: *«Ведите собаку наверх!»* — «Почему наверх? – вдруг со злостью спросил себя Керекеш. – Почему не вниз? Собаку следует вести вниз, ведь поджог совершен не на чердаке, а в подвале».

Он неторопливо шагал по последнему лестничному пролету и ругал себя страшным образом. «Я думаю о самых пустячных вещах, как узник в камере смертников, – говорил он себе. – Не все ли равно, куда поведут собаку? Вверх или вниз – разницы никакой. Вопрос лишь в

том...» Но мысль, «в чем вопрос», он не решился додумать до конца и испуганно оглянулся, будто услышал за собой мерный, негромкий стук собачьих лап. «Они действительно поведут собаку *наверх*, и собака приведет их к нашим дверям!.. Ужас! Кошмар!»

В дверях он столкнулся с женой. Ничего не подозревавшая Магда безмятежно улыбалась, и Керекешу показалось, что мягкий, ласковый свет ее карих глаз находится в чудовищном противоречии с жестокой действительностью.

– Добрый день! – тихо поздоровался Керекеш, едва сдерживая волнение.

– Что с тобой? – спросила Магда.

Керекеша всего передернуло.

– Где Жолт? – спросил он вместо ответа.

– В Тёрёкмезё, – сказала с удивлением Магда.

– Ты уверена, что он в Тёрёкмезё?

– Абсолютно. А где же еще? Ты же сам его отпустил.

– Войдем в квартиру. Зачем стоять здесь!

Магда устремила на мужа долгий, испытующий взгляд. Керекеш был бледен до синевы, и лицо его странно подергивалось.

– Что-то там внизу загорелось, сгорела какая-то ерунда... – сказала Магда.

– Кто знает, что там сгорело, – пробормотал Керекеш и вошел торопливо в ванную. – Почему ты дома? – наконец спросил он более спокойно.

Магда засмеялась.

– Мне позвонили, что горит дом.

– Хм! Звонил я.

– И забыл. Ну, неважно. Какие-то санки. Стена закоптилась. Сущие пустяки.

– Пустяки?

Он вышел из ванной, подошел к входной двери и прислушался к звукам на лестнице: шум голосов словно бы приближался...

Керекеш глубоко вздохнул, отвернулся и закурил; ему было стыдно, что страх перекрасил лицо его так, будто его покрыли густым слоем косметики.

Вдруг он схватился за голову:

– Тибор! Что сейчас делает Тибор?

– То же, что и всегда, – сказала Магда.

– А ты, как всегда, совершенно спокойна, – обиженно сказал Керекеш.

Магда промолчала, неслышно подошла к комнате Тибора, заглянула в дверь и кивнула: ну конечно, то же, что и всегда.

– Этот Тибор настоящее бедствие! – сказал Керекеш.

– А что он может с собой поделать?

– Ты даже не спрашиваешь, почему я взволнован!

– Спрашиваю.

– Я тебя все же не понимаю, Магда.

– Тамаш! Я почти уверена... нет, убеждена, что ты волнуешься зря. Ничего не произошло!

– Что-то, к сожалению, очевидно, произошло! – Керекеш нервно погасил сигарету. – Все признаки указывают на то, что дом поджег Жолт.

– Не говори чепухи!

– Я был бы счастлив, если бы оказался неправ! Но я собственными глазами видел свечные огарки, крышку коробки, я ощутил запах пороха...

– Ну и что? Жолти в Тёрёкмезё. Трудновато, находясь к Тёрёкмезё, поджечь дом в Буде.

– Скажи, пожалуйста, был ли случай, чтобы Жолт уходил не туда, куда собирался?

– Нет. Но...

– Для поджога, который был совершен сейчас, его присутствие вовсе не обязательно. Он сделал адскую машину, а сам ушел. Ты ведь помнишь, как год назад он взорвал этот камень, дорожный указатель?

– И все-таки это не он.

– Почему?

– Если бы это сделал Жолт, он остался бы, чтоб увидеть свой механизм в действии. Если бы дом поджег он, то стал бы смотреть, как дом горит.

– Об этом я тоже думал. Но я бы не удивился, если б за результатом своих деяний он наблюдал, скрываясь где-то поблизости...

– Ты сошел с ума!

– Магда! Это так мило, великодушно, что ты всеми силами стараешься подчеркнуть свое доверие к мальчику. Но это смешно. Нас накажут и будут правы. Жолту тринадцать лет, и ответственность за него несу я. Но как, как разговаривать с собственным сыном, когда он... сделался поджигателем?!

Лицо Керекеша нервно подергивалось.

Магда смотрела на него в нерешительности, потом отвернулась к окну, чтоб не смущать своим взглядом. Вдруг она что-то вспомнила:

– Но ведь в Тёрёкмежё он собирался давно. Поэтому совсем непонятно, что именно в этот день...

– Да что тебе далось это Тёрёкмежё! Со мной ты споришь, но сама такой возможности не исключаешь. Скажи честно: способен на это Жолт или нет?

– Нет, – сказала Магда с некоторой досадой.

– Хм!.. Ты просто хочешь меня утешить. Я ведь еще успею прийти в отчаяние, когда заявятся к нам с собакой... Ждать, кстати, придется недолго...

– При чем тут собака?

– Я не рассказал тебе всего до конца. В подвале нашли носовой платок Жолта.

– Платок Жолта?

– Я его узнал.

Магда онемела, потом выглянула во двор из окна.

– Вон ведут собаку, – сказала она с удивлением.

– Ведут собаку?

– Вернее, наоборот: собака ведет милиционера.

Керекеш бросился к окну. Так и есть! Черная с пестриной немецкая овчарка, принухиваясь к земле и туго натягивая длинный поводок, тащила младшего сержанта к воротам. На улице она пустилась трусцой. За ними, в измятой рубашке, исполненный горячего воодушевления, спешил экс-почтальон. Потом показался старший сержант и, оглянувшись в воротах, дружелюбно помахал жильцам. Керекеш в смятении повернулся к жене:

– Что это значит?

– Ничего особенного. Они ушли. Очевидно, собака взяла след.

Керекеш промолчал и уставился вдаль, от волнения слегка закосив глазами. Магда смотрела на него с состраданием.

– Поверь, никаких неприятностей не будет, – сказала она совсем тихо.

Керекеш встрепнулся.

– Собака взяла неверный след. Но что же тут удивительного? Городской дом такого типа, как наш, для собаки – целое море различных запахов...

– Послушай, Тамаш! Носовой платок не такое уж неопровержимое доказательство.

– Каждый божий день мой сын терзает мне нервы!

– Потому что ты ждешь от него больше того, что он в состоянии дать. Он ведь еще ребенок...

– То, чего ждут от него, не в счет. В восемь месяцев он выбрался из манежа сам и чуть не сломал себе шею. Ни один его сверстник не был на это способен. Тогда я этого от сына не ждал. До сих пор поражаюсь, где он взял столько силы.

– Ты же в нем и развил эту силу. Ему было всего два месяца, когда ты стал с ним заниматься гимнастикой. И, надо сказать, не без успеха.

– Успех блестящий. Как у десятков других детей: ушибы, трещины, шрамы. Само по себе все это пустяки. Мальчик пробует свои силы, и это в порядке вещей. Но в Жолте постоянно присутствует нечто: то ли какая-то необоримая бесчувственность, то ли жестокость. И эта непонятная жестокость меня настораживает.

– Ты не можешь простить ему ту недобрую шутку...

– Недобрую шутку? Уничтожать несчастных букашек, сжигая их с помощью увеличительного стекла, – это всего лишь недобрая шутка? О господи!.. Пусть себе ребенок резвится, а мы должны набраться терпения и все, все сносить. Но до каких пор?!

– Ты слишком мнителен, Тамаш. А это усиливает...

– Всего лишь раз, и то по недоразумению, он получил от меня затрещину. С тех пор мной владеет настоящий комплекс. Я не смею даже прикоснуться к родному сыну, потому что он оказался так же чувствителен, как и упрям. Но если выяснится, что дом поджег он...

– Перестань фантазировать, Тамаш! Дался тебе этот несчастный платок! А мальчик в полусотне километров отсюда. Даже для милиции это безусловное алиби. Какой был платок?

– Грязный! Грязный до омерзения.

– Ладно. А цвет?

– То ли синий, то ли зеленый и в клетку.

– У каждого второго человека носовой платок в зеленую или синюю клетку, а у мальчишек вдобавок и грязный.

– Магда, – сказал Керекеш раздраженно, – я бы очень хотел ошибиться.

– Пожалуйста, не сердись, но это смешно: у тебя ни на минуту не возникает сомнений, что виноват именно Жолт.

Керекеш помолчал, вздохнул, сел, закурил, обвел комнату странным косящим взглядом, словно впервые видел тут все: мебель, солнечный свет и собственную жену.

– Будь я в этом совершенно уверен, я не стал бы прятаться дома, а давно бы пошел в милицию, – сказал он по-прежнему раздраженно.

...Все доводы были исчерпаны. Оба устало молчали. Потом без аппетита что-то поели. Керекеш про себя решил, что непременно поговорит с кем-нибудь из милиции. Где-то в глубине души, у него еще тлела надежда: а вдруг ищейка все-таки не ошиблась? Но лишь только эта ребяческая надежда вспыхивала чуть ярче, он мигом ее гасил; как это может быть? Кто-то совсем чужой, посторонний ни с того ни с сего пробирается к ним в подвал с порохом и свечой и закладывает «зажигательную бомбу замедленного действия»? Нет и нет! Разумеется, нет. Речь может идти либо о больном пироманией, либо... Ни один довод Магды не мог его убедить. Магда – *мачеха* и оправдывать, заступаться за пасынка считает своим неотъемлемым долгом. Ее, естественно, можно понять.

Магда часа два на балконе курила. Потом увидела экс-почтальона. Со слипшимися волосами, с багровым лицом, он шел пошатываясь, один, поминутно поддегивал сползавшие на ходу штаны и оживленно объяснял что-то воображаемому партнеру.

– Он, кажется, еще не окончательно захмелел, – заметила Магда.

Керекеш махнул рукой:

– Он всегда до краев налит палинкой.

– Не позвать ли его? Может быть, он что-нибудь знает.

– Конечно, знает. Наглый всезнайка. Он всегда и все знает.

– Не выношу, меня просто тошнит от пьяных! Но можно его расспросить...

Они совещались, так как знали этого нахала и горлопана, корчившего из себя хозяина дома.

В это время раздался звонок, затем в проеме двери появилась ухмыляющаяся опухшая физиономия почтальона.

– Что-нибудь случилось, господин Липтак? – робко спросила Магда.

– Целую ручки, мадам, – последовал галантный ответ. – Пока я здесь, вам беспокоиться не о чем.

– Входите, пожалуйста, – с усилием сказал Керекеш.

– Мое почтение, господин главный врач. Я, правда, не совсем одет... – сказал экс-почтальон, шагая по квартире. Затем он уселся и покосился на Керекеша, наливавшего в рюмки коньяк. – Несчастье, могу сказать, было предотвращено, – заявил он, когда рюмки стояли уже на столе.

– Прошу вас! – пригласил его Керекеш. – Много времени Уделить вам, правда, я не могу, так как должен вернуться в клинику. Ваше здоровье!

– Это я принимаю, потому как вполне заслужил. Ваше здоровье! – сказал почтальон и осушил рюмку залпом. – Если б не я, дом бы сгорел...

– Мы страшно вам благодарны, господин Липтак! – нетерпеливо прервал его Керекеш. – Вы, я видел, сопровождали милицию. Что-нибудь уже выяснилось?

– Я, извиняюсь, запах дыма почуял еще там, внутри. И так спокойно подумал: жгут, мол, фитиль. Дым-то шел снизу, вам понятно? Из дымохода-то дым идти не мог, дымоход-то на крыше, вы понимаете?

– Понимаю, – сказал Керекеш.

– Вот тут меня это беспокоило, крепко, скажу вам, беспокоило.

– Что именно? – спросил Керекеш.

– А то, что с утра жгут фитиль.

– Но ведь горел не фитиль.

– А кто его знал, что там горит, господин главный врач! Это я уж после узнал, а тогда крепко забеспокоился...

– Скажите, господин Липтак, ищейка что-нибудь обнаружила?

– Так ведь тогда она где была, извиняюсь, ищейка? Не было ищейки. Был я один. И, само собой, без промедления спустился вниз поглядеть...

– Дым шел из подвала, это мы знаем! – так же нетерпеливо сказал Керекеш.

– Ах, господин Липтак, нам очень хочется знать, кто мог это сделать. Возможно, кто-нибудь из жильцов забыл зажженную свечу... – вмешалась в разговор мужчин Магда, заметив, что Керекеш совсем теряет терпение и лоб его покрывается красными пятнами.

– Вот и я про то же хотел бы знать: кто это сделал?! Но тогда еще, извиняюсь, вопрос не стоял, кто сделал, а кто не сделал. Тогда, извиняюсь, валил тучей дым, и я, покамест прибыл в подвальный этаж, совсем и начисто задохнулся. Надо было тушить, извиняюсь, пожар. А когда у тебя перед глазами пожар, ты, извиняюсь, не думаешь, что да как, а берешься этот пожар тушить. Само собой, ежели можешь. Ежели, значит, можешь. Ну, прав я, по-вашему, или неправ?

– Правы, – процедил сквозь зубы доктор Керекеш, призывая взглядом на помощь жену. Магда пожала плечами.

– Позвольте налить вам еще, господин Липтак, – любезно предложил Керекеш.

– Потребляю я это редко. Но сегодня я заслужил. Да.

– Вам благодарен весь дом, – сказала Магда.

– Время мое, к сожалению, истекло! – Керекеш вскочил и схватил портфель.

Липтак перепугался и вмиг изменил тактику.

– Много всякого плетут люди. И про вашу семью тоже плетут, господин главный врач. А вернее, про Жолта. Сами понимаете – бабы. Ну, и судачат, мелют языком без толку, без умолку. Керекеш потянулся за своим пиджаком.

– Ну, я милиции так и сказал, – продолжал Липтак, – об жильцах нашего дома чтоб ни гугу.

Рука Керекеша остановилась, держа на весу пиджак.

– Я прямо так и сказал: не такой он парень, этот Жолт.

– Что значит «не такой»? – спросил сквозь зубы Керекеш.

– Ну, как прошлый вон год был еще взрыв... потом похищение персиков...

– Каких персиков?

– Э-э, господин главный врач! Кому есть дело до каких-то там, извиняюсь, дерьмовых персиков... И было всего-то их несколько штук, и давно это было, а может, и вовсе не было. Только вот мадам Гечеи дала показания, и записали ее показания в протокол. Вот в чем беда. Записали, что Жолт любит поджоги и что Гечеи видела, как он прилаживал шнур.

– Шнур?

– Ага, шнур. Запальный шнур. Веревку обмазал варом...

– Но ведь это было на прошлогоднее рождество, когда он хотел устроить бенгальский огонь, – перебила Липтака Магда. – Я поговорю с мадам Гечеи.

– Мы ни с кем говорить не будем! Хватит! – дрожащим голосом сказал Керекеш. – Благодарю вас, господин Липтак.

Почтальон не шевельнулся.

– Господин главный врач, покамест я здесь, – снисходительно сказал он, – бояться вам нечего.

Я не боюсь, господин Липтак, но...

– Протокол этот – тьфу. Уж я, господин главный врач, о том позаботился.

– Вот как! И что же?

– «Ха-ха, старший сержант, – старшему я сказал. – Хо-хо, говорю, знаем, знаем, ветер откуда дует». А старший только глазами хлопает. Во!

– Откуда же дует ветер, господин Липтак?

– Вот я и спрашиваю: «Кто взломал ту лавчонку, господин старший сержант? И кто стащил у Гашпаров дамскую, извиняюсь, сорочку? Не хочу я этим никого обижать... Кто переманил ирландского сеттера, вот что скажите мне, господин или товарищ старший сержант» ... Никогда ведь не знаешь, как обратиться, чтоб не обиделся ненароком...

– Вы совершенно правы, господин Липтак, за обращением надо очень следить, – заметила Магда, разыгрывая сочувственное внимание.

Почтальон оторопел. Потом покосился на Керекеша, повертел в руках пустую рюмку, хотел что-то сказать, но Керекеш его опередил:

– Послушайте, господин Липтак, меня интересует один лишь момент. Если я вас правильно понял, то на основании показаний, данных мадам Гечеи, мой сын... возможно, оказался на подозрении. Известно об этом вам что-нибудь или нет?

– А то как же, чтоб неизвестно, господин главный врач! Кто, как не я, навел милицию на след?

– Прекрасно, вы навели на след...

– Я и Бiju.

– Кто такой Бiju?

– Бiju? Да ищейка же. Вон у кого, извиняюсь, нюх так нюх. Можно сказать, замечательный нюх. С ходу определила преступника.

– Значит, преступник известен? – спросил Керекеш.

– А как же! Я так старшему сержанту и сказал, когда прибыли мы в тот дом. Знаете, тот франтоватый дом на склоне горы... Я супруге своей говорю: «Не дом, а загон для овец, черт бы его побрал... делают из стекла загон овечий для хулиганов».

Керекеш швырнул портфель. Магда поняла, что он сейчас вспылит, и сделала успокаивающий жест.

– Так что же вы сказали старшему сержанту, господин Липтак? – кротко спросила она.

– «Мы на месте, господин старший сержант», – вот что я ему сказал.

– Вы это ему сказали, – проговорил задумчиво Керекеш, и с лица его словно смыли выражение страха. – Выпейте, прошу вас, еще стаканчик!

Почтальон расплылся в благодарной улыбке. С молниеносной быстротой он опрокинул коньяк и теперь уже без смущения стал рассказывать дальше, вволю расплескивая «философские речения», густо отдающие духом пивной.

– Так вот и было, господин главный врач. Я не очень-то привычный, чтоб ошибаться, я и погоду предскажу вернее, чем весь метеорологический прогноз. Всех я в округе знаю. Как же мне было жулика не узнать? Ну, само собой, дело это нелегкое, и надобен ко всему свой, особый подход. Вон и сам господь бог мир наш творил целых шесть дней. Нашли, значит, главного педагога, только он был не директором, директор толстый, а этот длинный и тощий, как старый сухарь... Собаку в институт, мол, приводить запрещается. Ну, посмеялся же я до упаду: дескать, тут тебе институт и все тебе тут запрещается. Старший, значит, сержант в момент ему объяснил, где, стало быть, раки зимуют. Мигом жуликов привели, рядом выстроили, и собака перед ними прошлась раз, два и три. Ну, думаю, пришло время взяться за дело мне. А старший сержант мне бормочет: молчи. И тут собака – вы не поверите, господин главный врач, – останавливается перед белобрысым одним хулиганом и давай тыкать носом в его штаны... Только что человеческим языком не сказала: вот он, жулик этот, злодей!

– Он и был поджигатель?

– Какой поджигатель, господин главный врач! Белобрысый стоял на стреме, велосипед поджидал. Потому как велосипед они хотели украсть. Жульё. У белобрысого, значит, был платок. Носовой. Собака его запах учуяла, то есть носового платка, понятно?

– Собака все-таки не ошиблась, – пробормотал Керекеш.

– Ни в жисть собака не ошибется, – авторитетно подтвердил почтальон.

– Но кто же был истинный преступник, вы не скажете, господин Липтак?

– Белобрысый, знаете, так перетрусил, что, не сходя с места, назвал сообщника. Он уже за решеткой.

– А... кто же он? – спросила Магда.

– А это, извиняюсь, служебная тайна. Ясно?

– Но вам-то она известна, господин Липтак?

– Я, извиняюсь, всех знаю в округе наперечет.

– Желание украсть велосипед понять как-то можно, но поджог... Зачем понадобилось ему поджигать?

– А затем, что он негодяй, – решительно сказал почтальон.

– Об этом я не подумал, но, должно быть, вы правы, господин Липтак. Ну что ж... весьма благодарны за информацию.

– С нашим большим удовольствием, господин главный врач, – сказал почтальон, внезапно скисая.

С большим трудом он поднялся, нерешительно посмотрел по сторонам – уходить, по всей видимости, ему не хотелось. Пошатнувшись в дверях, он покрутил пальцем перед лицом Керекеша и на ухо ему зашептал:

– Скажу вам одно, господин главный врач. Дом наш мало-помалу станет притоном хулиганья. А будь у нас, к примеру, собака... Такой дом, представляете? Шестеро жильцов, ворота настежь и ни одной собаки. Хотя бы одна махонькая совсем собачонка, уже можно бы, извиняюсь, спокойно жить. Собака же гавкает, господин главный врач. Ну скажите, прав я или неправ?

– Вы всегда правы, господин Липтак. Ну... всего хорошего.

Что-то бормоча, почтальон нетвердой походкой вышел.

Керекеш щелкнул французским замком и с чувством облегчения быстро вернулся в комнату. Магда на него не смотрела. Она знала, что он собой недоволен и жаждет как можно скорее покончить со всеми недоразумениями.

– Я смалодушничал, – начал он свою исповедь.

– Да нет же, – сказала Магда. – Носовой платок мог ввести в заблуждение кого угодно.

– Но я ведь даже не рассуждал, я сразу же заподозрил мальчика.

Глаза Керекеша от волнения закосили.

– Тамаш, мне надо в лабораторию. А ты, очевидно, собираешься еще долго копать в своей душе. Нужно ли это? Собирайся! Пойдем!

– погоди! Я все больше прихожу к убеждению, что совершенно не разбираюсь в том, как воспитывать мальчика.

Магда молчала.

– Впрочем, Жолта совсем не трудно и заподозрить, – ворчливо добавил Керекеш.

– Твое замечание сейчас неуместно.

– Ты права. Постепенно я начну мыслить так же, как этот Липтак. Почему некто совершает дурные поступки? Потому что он негодяй.

– Мне показалось, что старик страшно действовал тебе на нервы.

– В конечном счете я ему благодарен. Он создал моему сыну славу. Не правда ли?

– Славу? Ты сам выдумал эту славу из ничего.

– Пусть так. Но мы с тобой сейчас счастливы оба! Ты утрируешь.

– И не думаю. Мы сейчас вне себя от счастья, что поджог совершил не Жолт. Примерный, прекрасно воспитанный мальчик, который даже дом не стал поджигать, хотя для этого было все: порох, свеча и мужество... Чего нам желать еще?

Магда снисходительно улыбнулась.

*

Совершенно бесспорно, что «примерный, прекрасно воспитанный мальчик» с помощью своих непрерывных «экспериментов» держал семью в состоянии непреходящей тревоги. Порой с бесстрастным вниманием, как выдавший виды прозектор, он не только анатомировал какого-нибудь ужа, но и с неубывающим любопытством словно бы анатомировал поведение людей, реакцию учителей и родителей, их мимику, жестикуляцию, почти не придавая значения тем страданиям и эмоциям, которые он своими поступками вызывал. Но Магда заметила, что в черных глазах мальчишки вдруг пробежала синеватая тень, и она ее объясняла как признак мелькавшей в душе его жалости, а может быть, и любви. Такое объяснение она давала охотно, потому что ей нравились его жгучая пытливость, его самолюбие и неустрашимость. А Жолт, должно быть, все это чувствовал и почти учтиво, даже с долей нежности отвечал на терпеливое отношение к нему мачехи.

Зато Керекеш сторал со стыда за невоспитанность своего сына. Слишком часто отца вызывали в школу, где он покорно выслушивал благожелательные наставления классного руководителя и давал безответственные обещания. А что ему оставалось еще? Он ведь слышал всегда одно и то же: мальчик плохо учится, дерется, дерзит, мальчик забывчив, жесток, нетерпим,

мальчик... и т. д. и т. п. Некоторые определения Керекеш бы, возможно, оспорил, но зачем? К перечню «добродетелей» сына кое-что он мог добавить и сам. Магические слова *система и выдержка*, которые неустанно твердили учителя, к Жолту были неприменимы и лопались как мыльные пузыри. Есть дети, которым наказания нипочем, они на них просто не реагируют, и Жолт относился к их числу. К нему приложим был один лишь метод воздействия: домашний арест. Жолт его принимал без спора, с невысказанной обидой, с презрительным равнодушием – как тюремное заключение. Он никогда не выполнял предписанной работы и развлекался вещами, как казалось доктору Керекешу, совершенно не соответствующими его возрасту. Вооружившись самодельной миниатюрной рогаткой, он устраивал, например, охоту на мух; поднимал гантели, заводил магнитофон, в лучшем случае читал что-либо приключенческое. Керекеш тем не менее довольно точно представлял себе ход мыслей сына: запрет выходить из дому – не что иное, как отцовская месть, и надо вытерпеть ее, переждать, как переживают затяжные дожди. Керекеш слишком остро ощущал собственное бессилие, он знал и выражение брезгливости на своем лице, и свой косящий от волнения взгляд, когда выносил убийственно скучный приговор:

«После обеда ты останешься дома!»

«До которого часа?» – спрашивал сын.

«До шести».

«До пяти!»

«Не спорь!»

В результате в пять часов пополудни репетитор по математике тщетно дожидался Жолта. А через несколько дней, когда все выяснялось, Жолт чувствовал себя праведником, так как имел все основания сказать: «Я хотел идти на урок, но мне не позволили выйти из дома». Керекеш пускался в длинные рассуждения, бушевал, называл сына отъявленным лицемером; потом, глубоко сожалея о собственной грубости, начинал размышлять: хитрил мальчик или обиделся и, как всякий обиженный, был скуп на слова? Отцу очень хотелось верить в последнее, и потому, видя открытое лицо Жолта, он успокаивался. А Жолт кутерьму, поднимавшуюся из-за часа занятий с репетитором, считал бессмысленной и просто ничтожной. Не состоялся урок. Ну и что? Кто от этого пострадал? Но разговор с отцом скуки у него, как ни странно, не вызывал: Керекеш волновался, размахивал белыми, с длинными пальцами руками, присаживался на краешек стула и сидел так, словно готовился выполнить упражнение по гимнастике; Жолт с интересом следил за стулом, который вот-вот опрокинется. Странно косящий взгляд отца тоже занимал его немало. Ему было интересно знать, меняют ли предметы свои места в папиных косящих глазах.

Магду это противоборство, разумеется, тяготило и в то же время в какой-то степени забавляло. Она отлично понимала, что пристрастные расспросы и поучения отца едва ли улучшат отношения между ним и сыном. Потому что сын не понимал или не хотел понимать, чего требует от него отец, а отца раздражали его постоянные неудачи на поприще воспитания; вполне вероятно, что именно из-за этого постоянного напряжения Керекеш был не в силах найти с мальчиком верный тон. Вот почему для отца становилось так важно настоять на своем, и добивался он этого любой ценой. При разводе Керекеш и родная мать Жолта пришли к соглашению, что мальчика с семи лет воспитывать будет он. Но матери было трудно расстаться с сыном, и Жолт перешел к отцу, когда ему минуло девять лет. На первый взгляд такое решение выглядело естественным и разумным. С тех пор прошло четыре года. В семье Керекеша росла, вызывая всеобщую любовь, единокровная сестра Жолта Беата, все поведение которой особенно оттеняло трудный, неровный характер мальчика, внушая отцу еще большую тревогу.

Магда была полна сострадания, потому что все усилия Керекеша, в общем-то, пропадали зря. Сколько бы ни горячился отец, сын оставался прежним. Что же касается будущего, испуганному воображению Керекеша оно рисовалось зловещим.

Магда бесшумно вернулась из кухни. Удрученный Керекеш, сутулясь, сидел, облокотившись на низкий столик. Он потянулся за чашкой кофе, но не взял ее и стал потирать белые как мел, костлявые руки.

– В клинику тебе больше не нужно? – осторожно спросила Магда.

Керекеш промолчал, не глядя взял чашку, но, прежде чем поднести ее ко рту, спросил:

– Как ты думаешь, кого он все-таки любит?

Магду вопрос слегка удивил, но она знала, что отвечать надо сразу.

– Станный вопрос! Ну конечно, он любит мать. И Дани...

– Мать спрашивает его по нескольку дней, чтоб он ее навестил. Что же это?

– Он все-таки очень загружен. Одни уроки по математике...

– И совершенно бесцельные скитания... Но я спрашиваю совсем о другом. Я хочу знать, любит ли он кого-нибудь вообще? Например, мать. И из чего это видно?

– Тамаш, пожалуйста, не сердись, но твои вопросы сводятся к одному: любит ли сын тебя.

– И к этому тоже.

– У него не так много способов для выражения своих чувств, – медленно проговорила Магда.

– Когда речь идет о любви или нелюбви сына ко мне, я должен быть максимально чувствителен. Но я не хочу быть излишне чувствительным.

– Ты кое о чем догадался и ищешь сейчас доказательств.

– Я хочу знать, способен ли этот мальчик любить вообще! Понимаешь? – Керекеш вскочил, и глаза его потемнели.

– Тамаш! Прошу тебя! Если бы Жолт умел четко выражать свои мысли, о том же самом он мог бы спросить тебя.

Керекеш, ошеломленный, молчал.

– Любовь стоит чего-нибудь лишь тогда, когда она обоюдна, – сказала Магда.

– Ты хочешь сказать...

– Нет, нет! Но человек посторонний, который тебя не знает, едва ли поверит, что ты любишь сына...

– Хм, посторонний... До посторонних мне нет никакого дела.

Керекеш почувствовал некоторое облегчение. А Магда еще уверенней продолжала атаку:

– Жолт не из тех, кто приспосабливается. Характер у него действительно независимый и строптивый. Некоторые его эмоции и поступки оправдать иногда бывает сложно.

– Мне припомнился сейчас один случай! Это было несколько лет назад. Беата тогда два месяца проболела. Я наблюдал за ними, когда после болезни они встретились в нашем саду. Жолт ее ждал. Она вышла. Я думал, что он бросится к ней, поздоровается или как-нибудь еще выразит свою радость при виде сестры. Но он, точно норовистый жеребец, упорно и молча топтал ногой землю. Беата повисла у него на шее, и видно было, как она счастлива. А Жолт лишь терпел ласку сестры, он весь извертелся, а потом как-то снисходительно буркнул: «Привет, Беа! Как поживаешь?» И это все.

Магда чувствовала, что спокойствие ее на пределе.

– Ну и что! Что это доказывает?

– Ровным счетом ничего, – сердито сказал Керекеш.

– Ты считаешь, что душа его омертвела?

– Ладно! Я не собираюсь тебя убеждать.

– Потому что я мачеха и защищаю его по обязанности? Но ты ошибаешься. Об его истинных чувствах мы действительно ничего не знаем. Меня это, кстати, не удивляет.

– А... почему?
– Потому что ты не отец, а диктатор. Диктатор, который знает одно: приказывать и наказывать!
– Будь это так, горю было бы нетрудно помочь.
– Потом, правда, ты стараешься все объяснить, но Жолту уже это не интересно. Ему совершенно не интересны твои пояснения.
– Что же ему интересно?
– Сказать?
– Не стоит. Я знаю. Да будет благословенна собака, хозяином которой станет Жолт.
– Давай попробуем, Тамаш! Мы ведь ничего не теряем! Уже несколько лет он умоляет нас взять собаку, а ты все ставишь и ставишь условия. Непрерывно. Ты полагаешь, что он воспринимает твои веские доводы! Он же считает, что ты просто дорожишь своими удобствами, или думает о вещах, еще более примитивных. Как, например, господин Липтак.

– Мне кажется, Магда, что тебе самой хочется иметь щенка! – сказал Керекеш, подходя к жене.

– Конечно, хочется. А тебе?
– И мне. Но скажи, какая судьба ожидает у нас собаку?
– Не знаю. Но за то, что мы будем ее любить, я ручаюсь.
– Жолт тоже?
– Он больше всех.
– Посмотрим, – задумчиво сказал Керекеш.
– Я скажу ему, – просящим тоном сказала Магда.
– Согласен, – сказал Керекеш, и оба засмеялись.

К девяти часам вечера радость их значительно потускнела. Жолту полагалось быть дома в семь. Магда и Керекеш молча сидели и молча слушали брюзжание Тибора. Тибор же спрашивал брата, подумал ли он о гигиене.

– Я думал, – сказал Керекеш. – Но дело в том, что с собакой у меня связаны особые планы, Тибор.

– Планы? С собакой?

Каким-то образом получалось, что мысли Тибора всегда отклонялись от существа дела. Какие планы могут быть связаны у человека с собакой? Что умеют собаки? Есть, лаять, кусаться, выполнять отдельные трюки, если их, конечно, обучат.

Пока все остальные томились в ожидании Жолта, Тибор тихо произносил монолог, смысл которого сводился к тому, что другие люди как-то обходятся без собак и что в жизни существуют дела куда важнее собаки.

В половине десятого в квартиру ввалился Жолт, весь, с головы до ног, покрытый пылью и похожий на поседевшего в молодости негра. Он был не один. За ним на какой-то ветхой веревке ковыляла пятнистая дворняга с гремящими, как у скелета, костями и глазами, подернутыми старческой катарактой. На вид ей было лет двадцать...

Жолт рывком втащил ее в квартиру и, посмеиваясь от смущения, сказал:

– Она сирота, эта собака. Ее потеряли. Я найду хозяина, и дело с концом. А пока пускай поживет у нас. О'кэй?

Керекеш встал, молча вышел в свой кабинет и так хлопнул дверью, что она треснула, как сломанная кость.

Глава II

СЕРДЦЕ УЧАЩЕННО ЗАБИЛОСЬ ТРИЖДЫ

Доктор Керекеш был убежден, что сын целый день без передышки, без отдыха охотился за бродячими собаками. А может быть, просто украл это жалкое, отвратительное животное... Кто знает, чем и почему оно пленило его. Керекеш даже с некоторой брезгливостью припомнил момент, когда полуслепая собака рухнула на серый ковер. Весь ее вид производил впечатление близкой агонии; казалось, еще несколько минут – и несчастное существо у них на глазах испустит дух. В душе Керекеша к тому же родилось подозрение, что съездить в Зебегень, а может, совсем в другое место Жолт выпросил разрешение с определенным умыслом. Он задался целью приобрести собаку и поставить семью перед свершившимся фактом.

По предположениям Керекеша, Жолт рассуждал примерно так: вот теперь станет ясно, что вы за люди и как поступите в сложившейся ситуации. Может, выкинете беднягу на улицу и пусть она там подохнет с голоду?

Мысли эти настойчиво теснились в голове доктора, однако догадки его были неверными...

Получив свободу, к тому же на целый день, Жолт был так переполнен счастьем, что ни в одном, даже сокровеннейшем закоулке его души не осталось места для мыслей о собаке. То ли сам господь бог, то ли случай, словно глумясь над ним, подсунул ему это животное – жалкую карикатуру на предмет страстных мечтаний Жолта.

Утром, когда, набив полотняный портфель и проследив за движением облаков, Жолт отправился на Западный вокзал, где была назначена встреча с Дани, он весь был пронизан радостным чувством свободы. Он пробежался по саду, вдохнул полной грудью воздух, напоенный теплом и летними запахами, лизнул указательный палец и определил направление ветра.

– Южный, – сказал он решительно.

Ветер, кстати, был западный, но Жолту ничто никогда не мешало подгонять факты так, чтобы сделать их более благоприятными. Он был по-своему дальновиден и весьма искусно забыл свою куртку дома. Ну, а если пронесется гроза и его промочит ливень, всегда можно сослаться на южный ветер.

Но Жолта беспокоила совсем не погода – все уловки его были ответом на смехотворное условие отца:

«В семь ты должен быть дома!»

«Хорошо!» – ответил Жолт.

«В семь! Иначе на целый день я отпускаю тебя в последний раз».

Хотя диалог был чеканный, оба отчетливо понимали, что договор этот нереален, что вернуться к семи часам Жолт просто-напросто не успеет. Понятие «точность» было так несовместимо с характером Жолта, что в применении к нему давным-давно превратилось в одну из самых несуразных иллюзий. Такие правонарушения даже в семье Керекешей считались пустячными, и на них смотрели сквозь пальцы. А Жолт, как нарочно, заботился постоянно о том, чтоб на точность его надеялись все меньше и меньше. И разговоры относительно точности велись всегда формально и вяло, и если из Тёрёкмежё он не притащит иных, более значительных неприятностей, то все будут счастливы, по-настоящему счастливы!

Явиться к семи часам! Пустая болтовня, думал Жолт, вот и все. Но она извинительна. Потому что приказ явно был отдан в затмении родительского рассудка. Он и не собирался его выполнять, такого намерения не было ни в одной клеточке его мозга. По той же причине он обычно игнорировал споры. Вступать в споры с предком, доведенным до белого каления,

казалось ему ненужным и бесполезным. Пока ничего не произошло, спорить попросту не о чем. Когда что-нибудь произойдет, тогда он и поспорит.

Молчал он, правда, не только из соображений тактических. Он ведь знал: отца прямо мутило, что приходится порой отдавать приказания, которые, конечно, не будут выполнены.

Разговоры, которыми Керекеш угостил его вчера, произвели на Жолта не слишком приятное, однако же сильное впечатление. Лицо отца странно сморщилось, словно он надкусил лимон; взгляд нервно метался по комнате, избегая притворно-внимательных, широко открытых глаз сына; рот страдальчески дергался, высокий голос временами срывался; с губ слетали и слетали слова и, как осы, носились по комнате, но не касались сознания Жолта. Лишь изредка он кое-какие ловил: расписание, пуlover, обещание, пятьдесят форинтов, математика, экзамен, Беата, двоечник... Все остальное слилось в сплошное жужжание, в какой-то однообразный стрекочущий гул. Вдруг Керекеш схватил себя за ухо. «Этого еще не бывало, – подумал Жолт, удивившись, – раньше он поправлял на переносице очки. Что же будет теперь с очками? Он все время трясет головой, и очки вот-вот свалятся». Жолт внимательно следил за отцом: когда тот пускался в бесконечные назидания, то вел себя так, словно в ухо ему забрался жук, и он тряс головой, будто хотел от жука избавиться.

Отец говорил, а Жолт тем временем взвешивал собственные заботы. «Это я довел папу, из-за меня он, наверное, спятил, – с искренним сожалением думал Жолт. – Иначе он не ставил бы таких глупых условий. Быть дома в семь! Смехота! Может, оп вообразил, что сын его стайер и в Зебегень едет тренироваться?.. Поезд приходит туда в половине двенадцатого. Я, то есть стайер, ракетой взлетаю на вершину Бёржён, делаю круг и мчусь сломя голову вниз, чтоб успеть на поезд, отходящий в полтретьего».

Так думал Жолт, но вслух не сказал ни слова. А утром, распластавшись под смородиновым кустом, дождался, когда отец уйдет, и незаметно улизнул...

Небо не было сплошь голубым, по его синеве одно за другим проплывали белые облачка, похожие на разных животных: белоснежные зайцы, ласки, козы и крокодилы; с запада в серой пушистой шубе грузно тащился полярный медведь.

Жолт сурово свел брови и сделал жест, будто снял с плеча охотничье ружье.

– Пш-ш-ш-та-та! – сказал он. – Этого я прикончил. Пусть не таскается по Южному полушарию!

Трамвай, громыхая, прополз по проспекту Мучеников, затем по мосту Маргит. Жолт плотно прижался к алюминиевой скобе, но пассажиры преклонного возраста все-таки сверлили его гневными взглядами. Какой-то тип с животом-бочкой сопел ему прямо в лицо, и Жолт с точностью вычислил, сколько места он занимает в трамвае: там вполне уместилось бы четверо худых. «И пыхтит еще в самый нос!» – подумал Жолт и постарался отвернуться к окну. На его движение моментально последовала реакция.

– Не вертись, не один едешь! – рявкнул толстяк.

– Нет, один, – с олимпийским спокойствием отозвался Жолт.

Толстяк не счел нужным продолжать праздный спор и, не задумываясь, толкнул Жолта в бок: по его представлениям, другого ответа мальчишка, естественно, не заслуживал.

– Спасибо, – с подчеркнутой признательностью сказал ему Жолт и вернул себе равновесие.

У Вышеградской улицы Жолт посмотрел на часы. Потом посмотрел еще раз, так как на циферблате, который он сам окрасил в бордовый цвет, распознать время было трудно. «Опоздаю!» – пронеслось у него в мозгу, и эта мысль привела его в ужас.

На площадке, у выхода, мечтательно любуясь снующей по бульварам толпой, стояла девушка в коротеньких шортах.

– Вы выходите? – вежливо спросил ее Жолт.

– Пока нет, – сказала девушка и взмахнула искусственными ресницами.

Жолт сделал попытку протиснуться к двери.

– Вы выйдете у вокзала? – опять спросил он.

– На следующей, – так сурово ответила девушка, словно ей нанесли жестокое оскорбление.

– Тогда давайте меняться местами, – предложил Жолт.

Девушка отодвинулась сантиметра на полтора, и Жолту понадобилась вся его ловкость, чтоб выскочить прежде, чем дверь вагона захлопнулась.

Это ему удалось, и в прыжке его досада прошла. Красный от волнения, Дани стоял, а вернее, горбился на перроне, придавленный плотно набитым рюкзаком.

– Жолт! Тугоухий верблюд! Я изгрыз себе все кулаки!

– Покажи!

Дани показал.

– И правда изгрыз, – согласился Жолт.

– Это свинство – являться в последнюю минуту!

– Последней минуты не бывает. За минутой всегда приходит другая.

– Ух ты! Шуточка – блеск! Ну, давай поднажмем, наш поезд уже подошел.

– Слушай, старик, я в этот черный, для уголовников, поезд не сяду.

– Тогда, дружище, прощай. Пиши!

– Так и быть, сяду. Но помни: только по принуждению.

– Ладно. Протолкни мой рюкзак!

– Сразу видно, что ты собрался в Антарктику. А как насчет теплых кальсон? Не забыл?

– Мама забыла. А без них я погибну, старик. Окоченею.

– Господи, не рюкзак, а глыба! Ты вышагиваешь под ним, как откормленный индюк.

– Что делать несчастным детям, у которых упрямые родители!

– Родителей, старик, надо воспитывать. А ты своих распустил. Никудышный ты воспитатель, и в этом твоя беда. Давай прилунимся в этом купе, оно, в общем, довольно уютное. Помоему, в этом поезде проверяют билеты.

– Вот твой билет, двенадцать монеток.

Они заняли места у окна. Так как Дани до сетки не доставал, его рюкзак запихнул Жолт, потом они наконец уселись, и Дани счастливо сощурился за толстыми стеклами очков.

– Роскошный у нас будет денек! – сказал он.

– Как ты с этакой глыбой взберешься на гору? – спросил Жолт, кивнув на здоровенный рюкзак.

– Может, потащим его по очереди... – нерешительно сказал Дани и смущенно потер свои худенькие плечи.

– Ах, какой ты у нас остроумный! Нет уж, мой мальчик, каждый потащит свой собственный груз.

– Ладно, как-нибудь дотащу, – сказал Дани с легкой обидой.

Он ждал утешения, ободряющих слов, но Жолт безучастно молчал.

Наконец поезд тронулся.

Дани вынул путеводитель по Зебегени и стал листать, надеясь привлечь внимание друга. Но Жолт смотрел в окно на пробегающий мимо пейзаж, на встречные поезда, на вереницу «шкод», выстроившихся на открытых платформах товарного поезда, и молча злился. Для чего он хитрил с самим собой дома, не взял почти никаких вещей, даже куртки не взял, только бы идти налегке! Для чего? Чтобы сделаться вяучным ослом у этого несчастного лилипута! Тащить на себе его чертов рюкзак! Ну и кретин же Дани! Целыми днями бренчит на гитаре и запоем читает книги. А от родителей все равно ему достается.

Не выдержав длительного молчания, Дани стал объяснять:

– Понимаешь ли, я торговался как мог. Я старался избавиться от пуловера, одеяла, половины консервов, коробки с едой... Но спорить с мамой – гиблое дело. Все-таки она настояла...

Жолт в ответ что-то буркнул.

– Зато у нас вдоволь вкуснейших мясных консервов.

– В этом твоя беда, – сказал Жолт.

– В чем?

– В том, что ты препираешься! Язык не держишь на привязи.

– Беда вовсе не в этом.

– Не надо болтать языком! Разумные существа языком не болтают. Разумные существа запикивают лишний скарб в шкаф и говорят на прощанье: адьё.

– Тут, старик, дело в другом. Главное заключалось не в этом. Меня попросту не хотели пускать.

– Из-за меня?

– Из-за тебя. Стоит только назвать твое имя, как всех начинает трясти.

– Маму тоже?

– Конечно! И еще как! Знаешь, что она говорит? Жолт мальчик хороший, но у него один недостаток: он ненормальный.

Жолт хотел что-то сказать, но передумал и отвернулся к окну. Поезд мчался мимо бесконечных скошенных желтых полей, после ливня блестящих, как лакированные, мимо высившихся шпалерами вдоль шоссе исполинских пирамидальных тополей.

– Они еще не забыли прошлогодний взрыв, – сказал Дани.

– Подумаешь, взрыв! Жалкая дырка в земле.

– А ограда?! Ограда частично тоже ведь обвалилась. Слушай, старик, дома меня чуть не связали. Мама уверена, что именно ты вечно втягиваешь меня во всякую пакость.

Жолт молчал. В глазах его промелькнули темно-синие тени.

– Конечно, она не совсем так сказала, – поправился Дани.

– Все равно. Ты бы слышал, что говорит про меня мой отец.

– Что?

– Это неважно. Знать о себе можно много всего, но, если очень захочется, можно про это забыть, и конец. Скажем, так: ночью во сне ты видишь какую-то ерунду. Правда?

– Да!

– Вот мне недавно приснилось, что зовут меня Повер, и во сне все меня так и звали: Повер. Понимаешь? Это было ужасно, страшная чертовщина, потому что я никак не мог вспомнить свое настоящее имя. Зато утром я совершенно забыл про Повера и знал только одно: меня зовут Жолт.

– Как же ты вспомнил его сейчас?

– Кого?

– Да Повера же.

– Не знаю. Простая случайность. Ну ладно. Мы уже в Ваце. А с твоим рюкзаком что-нибудь да придумаем, – прибавил он неожиданно.

– Но ведь все, что я взял, мне придется тащить назад. А дома увидят, – сказал Дани уныло.

– Беда твоя в том, что ты трусишь, как заяц. Есть у тебя какое-нибудь свежее чтиво?

У Дани заблестели глаза.

– Есть. Папина книга. Про любовь. Я ее свистнул. Один субъект в ней выражается так: девушка – будто наглый лепесток цветка.

– Наглый лепесток цветка?

– Ага. Ты когда-нибудь видел, чтобы лепесток вел себя нагло?

– Старик, я ломаю над этой проблемой голову. Это, видишь ли, поэтично.

– А по-моему, психопатично.

В это время к купе подошел невысокий человечек с румяными щеками и седыми усами.
– Младенец с усами, – прошептал Жолт.

После долгих раздумий человечек вошел в купе и скромно сел в уголок.

– Не хотите ли сесть к окну? – спросил его Жолт.

– Да нет, мне и здесь хорошо, – приятно удивленный, сказал старичок.

– У окна лучше, виден пейзаж, – настаивал Жолт.

– Сиди на месте, не беспокойся, сынок. Вы куда едете?

– В Кереченалмади.

– Куда?

– В Кереченалмади.

Старичок был озадачен.

– Я такой деревни не знаю! – сказал он сокрушенно.

– До нее еще далеко, – сказал в утешение Жолт.

Старичок затих, и казалось, будто он роется в памяти, отыскивая там деревню под этим названием.

Дани тихонько хохотнул. Жолт строго взглянул на него, и Дани сделал гримасу, как будто его поймали с поличным.

– Отдыхать? – спросил старичок.

Поезд стоял, в купе витали скука и тишина.

– Мы едем к бабушке, – сказал Жолт.

– Стало быть, едете в гости к бабушке.

– Переезжаем, – обронил Жолт.

– Навсегда?

– Нас, знаете, распилили по родственникам. Я и младший братишка попали к бабушке.

– Как же зовут братишку?

– Йожо... Веди себя прилично и не хихикай, как дурачок!

Дани гримасничал, фыркал, и старичок смотрел на него неприязненно.

– Ты, как я вижу, за ним следишь, и правильно делаешь: за ним, конечно, надо следить.

– Да с ним ничего особенного, просто он очень веселый. Он всегда очень веселый, а почему, неизвестно. Даже на похоронах он два раза смеялся.

– Неправда, – сказал Дани и показал язык.

– Я же сам это видел, – сказал Жолт.

– У вас кто-нибудь умер?.. – спросил старичок.

– Папа, – не дрогнув ни одним мускулом на лице и глядя спокойно в глаза старику, мрачно ответил Жолт.

Тут Дани вскочил и выбежал в коридор.

– Бедные мальчики! – участливо сказал старичок. – Сколько же у тебя братьев, сестер? – спросил он затем.

– Восемь, – ответил Жолт, внимательно вглядываясь в розовое старческое лицо и пытаясь прочесть на нем признаки недоверия.

Но он ничего не прочел, кроме кроткого изумления и неподдельного сострадания, затопившего светящиеся среди морщин голубые глаза. И продолжать в том же духе у него пропала охота.

– Пойду посмотрю, куда девался мой дурачок. Вдруг он вывалится из поезда, а виноват буду я, – сказал Жолт.

– Бедные мальчики! – со вздохом повторил старичок.

Жолт искоса взглянул на доверчивого человечка и пошел искать Дани. Он нашел его в третьем купе. Дани старчески сторбился, очки у него на носу подпрыгивали, и он демонстративно смотрел в окно.

Стиснув зубы, Жолт с минуту стоял молча.

– Еще я хотел наврать старику, – наконец сказал он, – что дома нас столько, сколько муравьев в муравейнике, что мы едим один хлеб и спим все вместе в одной постели.

Дани и на это не проронил ни звука.

– И что нет у нас ни туалета, ни ванной. И только крохотный гномик ходит-бродит ночами по нашему саду. Клянусь, старик с жадностью проглотил бы и это.

Тут Дани встал, сунул руки в карманы и с необычной серьезностью, хотя и понизив немного голос, словно опасаясь ухмылки и темного взгляда Жолта, сказал:

– Скверная была шутка, Жолт...

– Но ты же сам чуть не загнулся от смеха.

– Я иначе не мог. Удержаться не мог. Но ты-то как мог... зачем ты похоронил своего отца?

– Кого? Твоего отца.

– И твоего, Йожо.

– Это тоже подлость. Я-то тебе не брат.

– Ты просто дурак, Дани! Никто ведь не умер. Умер тот, кого и на свете нет!

– Придумал бы что-нибудь другое.

Они замолчали. Дани смотрел на Дунай, кативший зеленые, мшистого цвета воды. В вагон ворвалось вдруг дыхание воды: запах дождя, горького болиголова, сладковатый запах болот, волны теплых испарений и холодных брызг. По реке, задрав нос, мчалась моторная лодка, на корме ее, как изваяние, застыл человек.

– Ты бы мог там стоять? – вдруг спросил Дани.

– Мог бы.

– А я нет. У меня наверняка закружилась бы голова.

– В этом твоя беда.

– В чем?

– Ты вечно боишься, что закружится голова. Ты только об этом и думаешь, больше в башку тебе ничего не приходит.

Простояв несколько минут, поезд медленно пополз дальше. Путевые рабочие хмуро смотрели на пассажиров.

Из-за поворота, окруженная рощей, появилась станция Зебегень. Они приехали.

Жолт ринулся в прежнее купе, сдернул сверху туго набитый рюкзак и схватил с сиденья свою легкую сумку. Старичок, клуя носом, дремал.

– Скорей, Жолт! А то мы останемся! – крикнул Дани.

Они спрыгнули уже на ходу.

Дани еще впрягся в свой страшный рюкзак, а Жолт, беззаботно размахивая сумкой, уже двинулся к лестнице виадука. Его горло и грудь были словно в хмелю – так переполнила его жажда странствий. Друзья быстро миновали белые уютные домики, пестревшие цветами и зеленью улицы и вышли на дорогу, которая вилась параллельно Мельничьему ручью.

– Жолт, – сказал Дани, – да будет тебе известно, что ручей журчит где-то здесь.

– Не беда, – сказал Жолт, – он мне не мешает.

– Можешь включить это в свое сочинение.

– Что ручей журчит? – спросил Жолт с отвращением. – За кого ты меня принимаешь? Вот указатель.

– А вот прихотливо извивающаяся долина Мельничьего ручья, – торжественно процитировал Дани.

– Что такое? Это ты объясняешь мне? Как извивается долина? – спрашивал Жолт, глядя с некоторым смущением на четыре ореховые веснушки Дани, они светились довольно весело.

– Я хочу знать, видишь ли ты то, на что смотришь, – сказал Дани, и очки на носу у него подпрыгнули.

Жолт размышлял, где тут кроется западня, потому что Дани всегда обставлял его по дотошности.

– Не долина извивается, старик, а ручей, – сказал Жолт не очень уверенно.

– Ты, старик, глубоко заблуждаешься. Я ведь спрашиваю тебя о другом. Кто кого сотворил: ручей долину или долина ручей, вот в чем вопрос.

– Ты победил, – признал честно Жолт, но настроение его слегка понизилось.

– И это еще не все! – засмеялся Дани. – Ты понятия не имеешь, по каким местам сейчас шествуешь, где помахиваешь своей мерзостной допотопной сумкой.

– Где? По долине Мельничьего ручья. Вот по каким местам я шествую. Не станешь же ты это отрицать?

– Привязался ты к этой долине! А где свежие зеленые побеги?

– Сразу видно, что толстый рюкзак придавил твои свежие зеленые мозги. Откуда быть свежей зелени осенью?

– Здесь, старик, море свежих зеленых побегов, которые тебе не видны, потому что ты тупо плетешься, как вол по проселочной дороге.

Тут Жолт неожиданно взял реванш.

– Послушай, Даниэль. Как только ты выучишься читать по слогам, ты уже знаешь, что следует видеть. Ясно? Стоит, скажем, поднять тебе вверх глаза, и над тобой сразу же начинает синеть небесный купол и сиять вон тот желтый шарик, который, конечно, не что иное, как наше старое доброе теплое солнышко.

– Ты растешь, развиваешься, – сказал Дани, – и постепенно начинаешь замечать, что долина, например, не прямая, а извилистая.

– Для того чтобы это заметить, надо раскрыть любой дурацкий путеводитель, – торжествующе объявил Жолт, – где все чудеса расписаны как по нотам.

– Хочешь, я открою тебе страшную тайну? Эта книжица написана для слепых.

– И кретинов. Пусть кретины тоже читают!

– Жолт, ты не только слеп, но ты еще глух, как пень! Просто тебе повезло. Потому что путеводитель написан и для глухих. Мы бредем с тобой по долине, и если ты еще до конца не оглох, то чуть позже наслушаешься всяких чудес.

– Сгораю от любопытства.

– Каких, например?

– Например, что ветви все время колышутся.

– Не может быть!!

– Может. В этом нет никаких сомнений.

– Значит, ветви все время колышутся. От ветра, наверно?

– Ты зверски, непростительно заблуждаешься, старик. Все намного-намного проще. В пути нас сопровождает несметное множество пернатых певцов.

– Еще что! Вранье!

– Не вранье, а святая правда. Показать тебе книжицу? Я тут все подчеркнул...

– По физиономии твоей видно, что пора тебе отдохнуть. Пусть бы твоя мама купила тебе мула, тогда не пришлось бы тебе обливаться потом...

– Тс-с! Я что-то слышу!

*

Они вышли к лужайке. Дорога здесь от ручья удалялась и вилась позади нависших над водой ив. Они шли по склону холма. Дани тяжело дышал. Лицо его было пунцовым, в грязных потных разводах, как будто он искупался в болоте.

Сажеными шагами Жолт неумолимо шагал вперед.

– Я слышу голоса, – сказал Дани.

– Я тоже, – насмешливо отозвался Жолт.

– Кто бы это мог быть? – спросил Дани.

– Ты, – спокойно ответил Жолт, так просто разрешив «каверзный» вопрос.

– Я слышу смех, – упрямо настаивал Дани. – А ты в самом деле глух, как пень.

Жолт внезапно остановился. У купы ив, там, где ручей мелел и переходил в широкую, покрытую кочками трясину и где поодаль блестели небольшие озерца, в высокой траве копошились какие-то фигурки. Потом они замерли, сделались изваяниями, словно их не было, словно был мираж, сотканный из игры света, тени, тумана и зыбкой, вибрирующей дали. А может, это были совсем крохотные, с ноготок, человечки.

– Лесные гномы, – прошептал Жолт.

Ему хотелось увидеть что-то необычайное, и он увидел: два островерхих колпака, красный и белый.

– Что там? – спросил Дани, привалившись рюкзаком к дереву.

– Да тише ты! Бинокль, надеюсь, ты не забыл?

– Я, старик, как обычно, взял с собой все необходимое снаряжение, – сказал Дани и мигом сбросил на землю рюкзак.

Достав из него кожаный футляр, он открыл его и вынул тяжелый военный бинокль. Жолт, отдавая должное биноклю и Дани, прищелкнул от восхищения языком.

– Давай его скорее сюда! – нетерпеливо скомандовал он.

– Момент! – вскрикнул Дани и спрятал бинокль за спину.

– Не ори! Спугнешь гномов!

– А ты не делай ошеломляющих открытий. Турист-новичок! – Дани послушно перешел на шепот. – Одним словом, ты пустился в путешествие без подзорной трубы, так как главное для туриста-новичка – элегантность.

С этими словами Дани поднес к глазам бинокль и подкрутил.

– Хороши гномы! – сказал он. – Шуточка – блеск! Три девчонки, сидящие в луже.

– Дай бинокль!

– Посмотри через свою пустую сумочку.

Глаза Жолта сузились. Не проронив ни слова, он двинулся вниз, к трясине. Он крался по всем правилам – как настоящий охотник: от дерева к дереву, согнутый, настороженный. Не гномы, ну и пусть не гномы. В конце концов, обойдемся без гномов.

Дани тоже ни секунды не медлил. Сунув рюкзак в кусты, он с биноклем в руках припустил за Жолтом.

Ручей был неширокий, с болотистой кромкой. Друзья поискали брод. В одном месте Жолт, легко балансируя, переправился по толстой, нависшей над водой ветви. Но Дани таким способом перейти не пытался и, когда выбрался на другой берег, его ноги по колени были в грязи, точно он их обул в сапоги. Укрывшись за большим деревом, друзья распластались на животе и стали сверху смотреть на озерцо. Оно было наполнено коричневато-зеленой жижей, покрытой водяным мхом и прелыми листьями. На берегу вплотную друг к другу, болтая ногами в грязной воде, сидели три девочки.

– Вот идиотки! – прошептал Дани. – Пришли сюда полоскать ноги.

– А куда им еще идти?

– У меня, как ни странно, другие привычки. Я мою ноги в чистой воде.

– Старик, они вовсе не моют ноги! – заявил решительным шепотом Жолт.

– Так ведь это и не вода! Знаешь, на что это похоже? На гороховую похлебку. Громадная кастрюля с гороховой похлебкой.

Жолт молчал. Он приглядывался, пытаясь разобраться в этой загадке. «Вон та, в красной шапке и белой блузке, даже вблизи похожа на гнома. Девчонка что надо, – думал Жолт, – хотя видно ее только до пояса. Сидит на траве, а ноги держит в грязной воде».

– Не все три – девчонки, – сказал Дани. – Вон то черноголовое существо, по-моему, парень.

«Черноголовое существо» было полунагим, в синих, закатанных до колен брюках.

Жолт хмыкал и, укрывшись в тени, старался разглядеть, парень это или девчонка.

– Волосы короткие, – сказал Дани.

Он неуверенно прищурился и подолом рубашки быстро протер очки.

– Волосы не в счет, – сказал Жолт.

– Неужели не парень? – озадаченный, спросил Дани и стал молча таращить глаза.

– Вблизи разглядим, – сказал Жолт.

– Скоро час. До Тёрёкмежё еще минут пятьдесят.

Жолт прополз вперед и залег за чахлым кустом. Дани нехотя полз за ним.

– Сейчас двинем. Только ты разгляди, какого черта они там делают.

– Ничего особенного. Дурака валяют, – сказал Дани.

Он смотрел на загадочное полунагое существо, и существо это, как показалось ему сейчас, было более округлым и хрупким, чем полагается быть мальчишке. А в общем, этот вопрос его нисколько не занимал, ему хотелось поскорее отправиться в путь. Но девочки вели себя действительно странно. Они пристально, молча смотрели в воду, в которой были их ноги. Жолт что есть силы напрягал глаза и время от времени бросал смущенный и вопросительный взгляд на Дани. Главное внимание он сосредоточил на красной шапке. Изредка она, как котенок, пронзительно взвизгивала, а вообще-то сидела, стиснув зубы и пытаясь сохранить на лице выражение величайшей серьезности. Но было видно, что дается ей это с трудом.

– Там в воде что-то есть, – предположил Дани.

Жолт думал о том же. Что за дьяволышка там, в яме, наполненной гороховой похлебкой? Но замечание Дани чем-то его задело.

– Ничего там нет! Что может там быть? Киты, что ли?

– Они глазеют на водяных жуков, – строил догадки Дани.

Друзья подползли еще ближе.

– Йес!¹ – взвизгнула полуголая и дрыгнула ногой.

– Ух! – откликнулась белая шапка и так откинула голову, словно сзади кто-то ее резко рванул.

– Очень странные у них рожи, – сказал с недоумением Дани.

– Они над чем-то там ржут.

– Им только хочется ржать, но они не умеют.

– Почему не умеют?

– Жолт, да они просто глухонемые!

Эта версия, однако, оказалась несостоятельной, потому что красная шапка вдруг выдернула из воды ноги и, истерически засмеявшись, принялась тереть их о траву. Потом внятно сказала:

¹ Да! (англ.)

– Я больше не выдержу. Это ужасно!

Белая шапка тоже выкатилась на берег.

– Я думала, что умру, – сказала она.

– А Ольга факир, – сказала красная шапка. – Настоящий факир.

– Вот противная, дольше всех вытерпела!

Полуголая черноволосая девочка все еще болтала в воде ногами, и лицо ее было спокойным.

– Нечего из-за такой ерунды волноваться, – сказала она и, скрестив на груди руки, осторожно встала и начала опускать штанины. Но тут же остановилась: ноги были облеплены прелыми листьями и илом.

– Девчонка что надо, – сказал Жолт и неожиданно выпрямился.

Девочки сразу насторожились, черноволосая взвизгнула и мгновенно натянула на себя кофту. Кофта, как и брюки, была тоже синяя.

– Я же говорил, что девчонка! – сказал Жолт, хотя и так это было ясно.

Жолт чувствовал, что лицо его как-то странно покалывает, словно от девочек толчками к нему поступал электрический ток.

«Может, я, как папа, кошу глазами?..» – с ужасом подумал он вдруг, но тем отважнее устремился вперед.

Дани с гримасой недовольства шел вслед за ним.

Девочки прижались друг к дружке, точно ягнята.

– Привет! – сказал Жолт. – Вы не знаете, какой указатель направляет странников в Тёрёк-межё?

– Знаем! – сказала красная шапка.

– Не отвечай им, Юли, – тряхнув головой, сказала белая шапка. – Они только строят из себя дураков. Вы, наверно, заблудившиеся туристы? – обратилась она к ребятам.

– Вот ты им и ответила, – с укором сказала красная шапка.

Девочка в синем – ростом она была выше Жолта – смешно вытянулась и, глядя на мальчиков сверху вниз, заговорила небрежной скороговоркой:

– Вы же шли от зеленого указателя, а теперь спрашиваете, где он. Врите своим мамашам!

– Зеленый указатель! Мы его знаем. Только этот зеленый уводит в сторону. Те, кто его устанавливал, наверное, были навеселе...

– К тому же, – громко вмешался Дани, – если вам неизвестно, то сейчас я скажу: ручей в этом месте причудливо извивается.

– И мы целый час кружили вокруг...

– Время от времени здесь колышется кустарник, и путника в дороге сопровождают крохотные певцы...

– Мой братишка, конечно, свалился в ручей, – приврал Жолт.

– Твой братишка, без сомнения, дремучий осел! – в бешенстве крикнул Дани.

– В общем, братишка, этот дремучий осел, в турпоход отправился в кедах...

Девочки сперва лишь посмеивались, но во время краткой дискуссии об осле развеселились по-настоящему.

– Сразу видно, что вы кретины, – жестко сказала красная шапка.

Момент был вполне подходящий для нескольких жгуче важных вопросов.

Первый вопрос был поставлен Дани.

– Чем вы тут занимались? Полоскали копыта? – спросил он нетерпеливо.

– Сказать им? – спросила красная шапка, с сомнением глядя на девочку в синем.

– Мы состязались, – сказала синяя.

И тогда, перебивая друг друга и вскрикивая, все три заговорили разом. Они хотели узнать, кто дольше выдержит, когда щекочут пятки.

– Что-о? – остоленев, спросил Жолт.

– Когда щекочут пятки. В воде полным-полно головастика. Сунь туда ноги, и тут же к тебе подплывут головастики и примутся щекотать.

– Щеотно до ужаса, просто не выдержать! Особенно когда они скользят по пальцам, – сказала белая шапка.

– Никакого ужаса нет. Интересно, и всё.

– Тебе интересно, потому что ты факир. Ольга у нас прирожденный факир.

– Хотите попробовать? – спросила мальчиков красная шапка.

Жолт и Дани молчали как каменные.

– В общем, ты победила, – выдал наконец с отвращением Дани. – Поздравляю!

– Спасибо, – сказала Ольга. – А почему ты скорчил такую кислую мину? Мы подурачились, только и всего. Вы уже уходите?

– Мы спешим, – сказал Дани. – В Тёрёкмежэ нас дожидается дедушка. Привет!

Жолт от девочек уходил с трудом. Их эксперимент, по правде сказать, произвел на него впечатление. Головастики щекочут пятки – неплохо! Он бы охотно испробовал это ощущение на себе и посмотрел, сколько может выдержать. Но время бежало стремительно, и Дани уже вышагивал берегом ручья. Жолт простился и бросился его догонять.

– Тринадцать часов ноль-ноль минут! – с упреком сказал ему Дани. – Придется прибавить работы копытам, ты слышишь меня, глухарь?

– Для чего? Дедушка от нас не уйдет, ему спешить некуда.

– Тратить время на каких-то глупых девчонок! Головастики! Блеск!

Дани выхватил из кустов рюкзак и сердито пошел вперед.

– Интересны не головастики, – сказал Жолт. – Та, в синем, девчушка-экстра!

– Девчушка? Да она на голову выше тебя!

– Ну и что? Моя подруга жизни тоже громадина.

– Кто?

– Я же сказал. Рост можно нагнать потом. Девчонки вообще сперва растут быстро, а потом у них рост затормаживается.

Дани залился всхлипывающим смехом. Но, оглянувшись, увидел, что Жолт совсем не смеется. Может быть, он не шутил?

– Что ты такое сказал?

– Ничего, – буркнул Жолт.

Дорога вела их вдоль прохладной лесной опушки, поодаль виднелся чудесный луг, где трава доходила до пояса и мягко волновалась под ветром. Там вилась тропинка, и Жолту страшно хотелось по ней пойти, но из солидарности он трусил вслед за Дани.

«Он весь уже взмыленный. Но пусть потерпит еще четверть часа», – подумал Жолт и тихонко сошел с лесной дороги. Теперь из высокой травы видна была только его черная мускулистая спина. Дани, огорченный донельзя, вытирал залитые соленым потом глаза и старался о Жолте не думать. А Жолт, идя лугом, занялся своеобразной игрой. Бросившись на шмеля, он хватал его носовым платком и долго-долго исследовал золотисто-желтое бархатистое брюшко и головку в форме топорика. Потом ловил мотылька, изумленно разглядывал его небесно-голубые крылышки и, не в силах оторваться от изящного черно-серого узора, наблюдал за их ритмичными взмахами, повторяющимися, словно в замедленной съемке, все движения и приемы полета. По лугу прыгали мириады крохотных лягушек. Время от времени Жолт какую-нибудь ловил, сажал на ладонь, позволяя ей прыгнуть, затем дотошно вымерял длину прыжка.

Было уже половина второго. Черепашим шагом друзья двигались в Тёрёкмежэ. Если б они думали о приказе родителей, то именно сейчас им бы следовало повернуть назад. Но они ни разу о нем не вспомнили.

В конце луга Жолт взял у Дани рюкзак.

– Не такой уж он и тяжелый, – сказал он небрежно.

– Ну конечно, – отдуваясь, с благодарностью отозвался Дани и вытянул руки вверх, стараясь расслабить онемевшие мышцы. – Скоро начнется короткий подъем, – сказал он затем в утешение.

Но Жолту не нужны были утешения. Он вышел вперед и широким шагом пошел по тропе, которая сворачивала в чащу леса.

От радости и облегчения Дани запел:

– «Я яблоко ем, оно хрустит у меня на зубах...»

Сперва он отбивал ритм руками, хлопая себя по ногам, а потом с помощью двух засохших сучков симпровизировал барабанный аккомпанемент.

– Так как там твоя подруга жизни? – спросил он погодя. – Передай ей от меня почтительнейший привет.

– Не могу. Мы с ней в разводе, – сказал Жолт, и по глазам его вновь метнулось темносинее облачко.

Дани это заметил.

– Ну и цирк! А причина?

– Предательство.

– Кто кого предал?

– Сам понимаешь, что предателем стал не я. Ливи меня предала: переметнулась к одному восьмикласснику. Пучеглазому. Знаешь, старик, глаза у него, как шары из стекла.

Дани не рискнул рассмеяться, хотя в горле у него першило от смеха.

– Видишь ли, Йожо, – продолжал Жолт, пронзив друга колючим взглядом, – в классе «Б», откуда меня в прошлом году отфутболили, у каждого приличного парня была подруга жизни.

– А для чего тебе нужна подруга? – зло спросил Дани, обиравшись из-за «Йожо».

– Знаешь, старик, ростом Ливи – настоящая телебашня, но по красоте из девчонок третья в классе. Третья из двадцати трех. Имей это в виду.

– Что же вы с ней делали?

– Да ничего, – неохотно ответил Жолт, так как терпеть не мог что-нибудь объяснять.

– А если ничего, то зачем подруга?

Жолт, не желая отвечать, шагал упорно и быстро. Лес был густой, и они шли в полумраке, похожем на сумерки.

Вдруг он резко остановился, прислонившись к дереву, поправил рюкзак, и на руках его резко обозначились мышцы. Он свысока посмотрел на Дани:

– Подруга, старик, очень нужна! На экскурсии, например. Или на вечеринке. Ливи живет на Силадифашпор.

– И свадьба была?

– Еще какая! С венчанием.

– А кто венчал?

Жолт густо сплюнул.

– Священник с красно-бело-зеленой лентой на рукаве. Все было как полагается. В толстую книжищу записали, что такой-то и такая-то «друг и подруга навеки». И знаешь, кто был священником? В этом заключен для меня горчайший момент: тот, из восьмого «А», с шарами навыкате. Я потом его так отделал, что он неделю не появлялся в школе.

– За что? А-а, понятно: Ливи переметнулась к нему.

Жолт сердито и растерянно заморгал. Бывали минуты, до странности непонятные, когда простейшая, элементарная истина сбивала его почему-то с ног – эту слабость он сам за собой замечал, – и в эти минуты он все с ожесточением отрицал.

– Вовсе не из-за этого!

– Из-за чего же тогда?

- Да просто из-за его прекрасных глаз.
- И ты его за это избил?
- Терпеть не могу пучеглазых.

Объяснение было неубедительным, и Дани в знак сомнения подвигал ушами. У него это получалось великолепно. И по этому движению Жолт отчетливо понял, что Дани ему не верит. Ну, и не надо, с холодной злостью подумал он.

- Если хочешь знать, мы и сейчас еще по-настоящему не в разводе, – сказал Жолт.
- А почему?
- А потому, что разводит только священник.

– Все ясно, – сказал Дани и, так как многие из привычек Жолта были ему прекрасно известны, не стал настаивать на продолжении разговора. – Здесь родник с одиннадцатью скотопойлками, – заметил он.

Но Жолт не пожелал менять тему:

- А ведь Ливи экстра-малютка!

Дани молчал, и тогда Жолт поправился:

- Не малютка, но экстра.

Они уже одолевали крутой подъем, и, казалось бы, чрезмерное напряжение должно было оборвать разговор. Но Жолт упрямо продолжал говорить, чувствуя в горле какой-то набухающий ком. Ему хотелось сгладить неловкую увертку, с помощью которой он пытался уклониться от истины, но получилось совсем неуклюже, и оба знали, что лишь из ревности, мести он поколотил пучеглазого.

- Но несмотря ни на что, – сказал Жолт, – я найду себе другую подругу.

- Ну конечно! – скупое ответил Дани.

– Папа тоже женился дважды, – продолжал Жолт, – и оба раза на Магдах. Здорово, правда? – Он принужденно засмеялся.

Дани молчал.

- Обе Магды вполне приличные жены. Каждая, конечно, по-своему.

Дани было уже просто невмоготу. Он давно потерял нить разговора.

- Поправилась тебе девочка в синем? – спросил он.

Жолт ухватился за вопрос моментально:

- Девочка-экстра...

– Я сочинил про нее стихи. «Синяя девочка высотой с телебашенку, щекочит пятки ее головастики». А теперь давай ты.

Жолт мигом нанес ответный удар:

- «Даже вообразить невозможно причину, отчего Дани такой дурачина!»

- Старо, – пренебрежительно бросил Дани. – Рифма давным-давно известная.

Жолт не возразил ничего.

*

Крутой подъем кончался. А вон и дом для туристов, похожий на охотничий, но громоздкий и слишком парадный.

Друзья стремительно промчались мимо него. Место было удивительно живописное, однако их оно привлечь не могло. Там повсюду были туристы. Одни, осоловев от еды, расположились на траве. Другие, развалившись на стульях, сидели за столиками, покрытыми красными скатертями, пили пиво и кока-колу.

Через несколько минут ходьбы туристы из виду исчезли. Ребята подошли к плато Копар. Оно походило на лысый человеческий череп с остроконечной макушкой. Вокруг зеленели мохнатые леса, а на плато отважились взобраться лишь одинокие буки да за серовато-белую каменистую почву цеплялась чахлая, уже пожелтевшая трава. Туда вели отдельные тропинки, но они обрывались у подножия плато, словно путешественники, испуганные видом серого лысого черепа, в нерешительности останавливались и поворачивали назад.

Друзья даже не взглянули на эти неровные, внезапно обрывававшиеся тропки и продолжали идти вперед.

– Слева должна быть земляничная поляна, – сказал неуверенно Дани.

– Какая еще земляничная? – не желая признаться, что он ее забыл, агрессивно откликнулся Жолт.

Он шел, не сбавляя шага, уверенный в том, что инстинкт его не обманет. На плато его, правда, покачивало, будто он шел в полусне, и он не чувствовал даже тяжести рюкзака. А когда они добрались до вершины, Жолт на секунду остановился и повернулся лицом к ветру, гнавшему облака. Облака были белые и цвета дождя и стлались над землей низко-низко. Лицо и руки Жолта омывала легкая прохлада.

– Ветер южный, – опрометчиво сказал он.

– Западный, – поправил немедленно Дани.

В другое время Жолт стал бы спорить, потому что давно и очень хотел, чтобы в этот день дул южный ветер. Но сейчас замечание Дани всего лишь на миг встряхнуло его из состояния восторженности и счастья.

Остро пахло сосной, небо было так близко, что его можно было, казалось, коснуться рукой, и каждой клеточкой своего существа Жолт чувствовал, что знакомое «корыто» близко – на южной стороне плато. «Корытом» была впадина, похожая на круглую комнату, где в прошлом году из камня был сложен очаг. Еще немного – и в очаге запылает огонь, затрещит сосновый валежник, зашипит на вертеле сало...

И нет на свете большего счастья, чем *знать*, что все это будет и будет сделано своими руками. Грязными от сажи, исцарапанными руками сгребет он сухую сосновую хвою и станет поддерживать в очаге огонь; одежда его измажется, лицо вспотеет; он будет бродить по лесу, выслеживать косуль, разыскивать гнезда фазанов, собирать птичьи яйца: голубые, в крапинку... Да не все ли равно какие... Главное же, самое главное, что никто не будет на него наедать: «Жолт, Жолт, Жолт, перестань, умойся, перевяжи палец, иначе тебе грозит сепсис». Здесь, в Тёрёкмезё, ничего этого нет! Здесь, в Тёрёкмезё, не надо никому подчиняться.

Дани умница, но командует в Тёрёкмезё не он, здесь Дани сделает все, что ему прикажет Жолт. Тёрёкмезё громоздится над миром, Тёрёкмезё – царство свободы, и это царство – в полном владении Жолта.

И вместе с тем в душе Жолта шевельнулось смутное недовольство: небольшой клочок земли под названием «Тёрёкмезё» превратился для него в нечто космическое. Конечно, если сравнить его с домашней клеткой, где свобода раздроблена на минуты, где он связан по рукам и ногам ко всему глухими приказами... В общем, нынешняя свобода, эта крохотная свобода, хороша, очень хороша, она прекрасна. Но где лихие собачьи упряжки Джека Лондона, где разумные дельфины, где Алиса, где прирученный лев, где саванны, джунгли, моря, где ошеломляющая, головокружительная высота, с которой словно бы начинает разворачиваться географическая карта мира! Он как-то видел в кинематографе съемки, сделанные с вертолета, и сердце его дрогнуло тогда от восторга. Мир распахивался с высоты, пугая и восхищая; поля, города, Дунай – все-все претворялось именно так, как под портативным японским микроскопом ножка блохи; он прилепил ее к стеклу и не ждал ничего особенного, а потом... Он едва сдержался, он чуть не взвизгнул, когда в черной лохматой палочке вдруг открылись алые ручейки, пульсирующие облачка, сверкающие золотом ниточки паутины, какие-то черные головки, похожие

на головы мостовых опорных быков, и, наконец, озерцо, освещенное желтым светом, и на нем стройные лодочки и даже погруженные вглубь весла. «Ага, – со злостью пробормотал тогда Жолт, – я уже долго живу на свете, а такого еще не видел». И он не мог оторвать глаз от открывавшегося под микроскопом совсем нового, неведомого ему мира, от неожиданных чудес, когда под увеличивающей в триста раз линзой он рассматривал то лепесток цветка, то щепотку муки, то нитку, то капельку крови.

Вполне возможно, что именно микроскоп породил в нем страх, подобный тому, какой бывает от грянувшего внезапно мощного громового раската, страх, который непрерывно его подгонял, заставлял мчаться туда, где он мог познать новые ощущения, где что-то есть, происходит, но происходит и есть без него.

Во время прогулок, которые ему разрешали или которые он совершал самовольно, Жолта огорчала лишь быстротечность времени. Он считал бы себя очень несчастным, если бы постоянно таскал с собой в памяти скучные приказания отца. Но он поступал с ними иначе, он выбрасывал их из головы на первом же перекрестке, как выбрасывают ненужный хлам, но всегда с чувством неясной горечи: нет, он от них не избавился, на обратном пути они снова окажутся с ним.

И не было еще случая, чтоб он не ощутил бега времени. Как бы ярко ни светило, ни жарило солнце, после двенадцати оно пускалось по небу вскачь и неожиданно, вдруг скрывалось. И тогда наступали сумерки, а за ними падала темнота.

Жолт все прибавлял шагу, и Дани намного отстал. Вот уже показался знакомый хвойный лес, а потом и овражек в виде корыта.

– Жолт, – сказал запыхавшийся Дани. – уже четверть третьего. – В его голосе звучал вполне понятный испуг.

– Не беспокойся. Будет и больше.

– Мы опоздаем на поезд.

– По-твоему, Даниэль, существует всего один поезд? Их множество, поездов, которые идут в Будапешт. Надеюсь, старик, ты не наобещал своим какой-нибудь глупости.

– Да нет же. Я просто сказал, что вернусь домой вечером.

– Вечером. О'кэй. Ручаюсь, что к вечеру ты будешь дома. Но если ты очень волнуешься, отправляйся назад. Зеленый указатель...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.